

Первокурсница
Городская легенда

А. Е. Фредриксон

Алиса Фредриксон Первокурсница. Городская легенда

<https://litres.ru/72458662>

SelfPub; 2026

Аннотация

...Красавица, красавицу спасёт, когда в зеркальный город,
Сквозь портал пройдёт.

Её подруга станет воином, дардаркой.

Одиннадцать сестёр она нежданно найдёт.

Пятёрка моряков, отправятся в поход,

Один подругу вряд ли потеряет,

Другой из них невесту обретёт...

Все имена и события, в произведении вымышлены. Любые совпадения с реальными личностями и событиями, случайны.

Текст черновой, без редактуры. С редактурой, цена будет другая, книга станет дороже.

Содержание

Глава 1 Бес в метро и Ангел у вокзала	4
Глава 2 Кэш, Стэп и Поля Словесности	17
Глава 3 Людо-людоедка и тайный ключ	56
Глава 4 Стражницы севро-запада и жуткая посыль	78
Глава 5 Случай на рыбалке, Дымка гусяр и Калинка	94
Глава 6 Приморский чёрт. Ракушка Валенка	108
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Алиса Фредриксон Первокурсница. Городская легенда

Глава 1 Бес в метро и Ангел у вокзала

- Ну, где же Ленка-бабушка? Ну, сколько её, ещё, ждать?
- нетерпеливо топталась на платформе метро Маша, теребя за рукав подругу Женьку.

- Не знаю Маш. Она обещала, быть, к восьми, - нервно бросила в ответ Женя.

- Мы, уже полчаса её ждём. Ну, сколько, можно, - стала капризничать Маша. Она почти не спала сегодня, и с утра ещё ничего не ела. А, позади промчался учебный день в универе, и дополнительные само занятия по музеям, после. Хотелось спать, есть, и ,уж точно, никого ни ждать.

- Ну, а я что сделаю Маш? Сказала, придёт, значит придёт, - утвердительно прищелкнула Женя, оглядываясь по сто-

ронам, ища глазами Ленку. Которую, подруги называли бабушкой, за любовь попричитать и поохать.

Вместо Ленки, к ним подошёл высокий мужчина.

Не полный, но плотный, в тёмно-коричневой, кожаной куртке, тёмно-синих джинсах, на ногах, не по зимней погоде, щегольские, носатые туфли, начищенные до блеска. Густая, курчавая борода обрамляет мясистое лицо, с широким носом, на такой же курчавой голове. Крупные, миндалевидные глаза, масляно светятся за чёрными, частыми ресницами. Полные губы растянуты в хищную улыбку. Зыркнув заговорщицки на Женьку, мужчина подошёл в плотную к Маше, и глядя в упор, ей в глаза, стихотворно заговорил:

А, помнишь бурю в заливе Венед?

Свайгон, адмирал там победы держал.

Варворд осминогий хотел взять державу,

Но, в битве полёг, город снов проиграл...

Не дав странному мужику договорить, Женька схватила Машку за руку и побежала, по пути выхватив из толпы Ленку-бабушку. Мужчина не отставал.

- погоди. Постой... - кричал мужчина, размахивая рукой, как в приветствии.

Но, девушки и не думали останавливаться. Забежав в подошедший поезд, помчались из вагона в вагон, и перед самым его отбытием выскочили на платформу. Мужчина за ними не успел, выглядывая их через окно поезда. По его лицу было видно, он не расстроился. Растянув улыбку хищным смайликом, помахал на прощание рукой.

- Псих какой-то, - буркнула Женя, - Машкен, а ты тоже, курица. Встала, как вкопанная, рот открыла. Маш, ну, где твой инстинкт самосохранения? Мало ли зачем он подошёл. И, эти безумные стихи. Что, он там басил? Ох!

- Да, ладно Жень, стихи, кстати, забавные были. Венеда, осьминоги. И мужик вроде не агрессивный, улыбался...

- Улыбался он, как маньяк, Маш. И, руки в карманах держал. Вот, что, там, у него в кармашках было? То-то же, не знаешь. Может, нож в ладони зажат был, или платок с фиамом. Или, чем, там, наивных дев с периферии дурманят. Маш будь бдительной, умоляю. Вот, делать больше нечего, как за тебя переживать.

- Ой, девочки мои, а что произошло-то? Маньяк на Марь-

ку напал что-ли? Ой, беда, беда. Что-ж творится-то? - затараторила Ленка-бабушка.

- Да, не переживай Лен. Псих, какой-то подошёл и начал Машку стихами зомбировать. А, она и размякла, уши развесила и поплыла дуриндосей. Хорошо у меня реакция срабатывает на таких, как этот персонаж. Улыбался он... А, как за нами бежал след в след, тебя это не насторожило, Маш? Самый натуральный маньяк и точка.

- Ладно, не закипай. Убежали от него и хорошо. Вряд ли, ещё, его увидим. Не на острове же живём. Город большой, - стала успокаивать Женьку Мария.

- Ох! Девоньки мои, приключенческие. Бывает же-ш. Ладно, забыли. Маш, ну я договорилась на счёт тебя с сестрой. Можешь пожить у неё, пока она в отъезде будет. Ты главное о её коте позаботься и уют наведи. Там ведь берлога, берлогой. И, живи пока она не приедет. Пару-тройку дней у тебя есть, на то, чтобы себе жильё подыскать. Значит, расписание прибытие-отбытие поездов на вокзале посмотришь. Выходить на станции Разлив. Там по карте посмотришь куда идти, я адрес тебе записала. Вот, карта, кстати, - Лена протянула Марии сложенную втрое карту Ленобласти.

- Спасибо Лен, ты очень выручила, - поблагодарила Лену,

Мария.

- Да, на здоровье Маш. Аллины друзья, мои друзья, - улыбнулась в ответ Лена.

- Да, кстати по поводу Аллы. Маш, в среду у меня собираемся. Ладка и Маринка придут, подучим танец, да подумаем над костюмами. Алла нас в своём выступлении, на подтанцовку поставила. Так, что на пятницу и субботу, ничего не планируй.

- Хорошо, Жень, - покорно кивнула Мария.

- Лен, слушай, дай номер телефона сестры Алле, она с Машей хочет о чем-то поговорить.

- Хорошо, как до дома доберусь позвоню ей. Передам, что с Марькой, все в порядке и номер продиктую.

- Вот, и славно! Машуль, утром, как проснёшься, набери меня, я у Кэшевой мамы буду. Всё, девчонки, я побежала. Кэш ждёт, едем к его маме сегодня с ночёвкой. Надо помочь ей с перестановкой. Завтра, с утра и целый день будем мебель тягать, - тараторя, расцеловала подружек Женя

- Сил вам и вдохновения, с Кэшем. Я тоже побегу, сегодня

и завтра, моя очередь с мелким нянчиться. Машуля, Томочке приветы, - обняла Машу, Ленка.

Попрощавшись с подругами, Маша поехала на Старую Деревню, там, на вокзале купила билет до Разлива.

На платформе холодина. Как, ни укутывайся, сквозняки, всё равно, находят лазейку, и на радостях, запускают в неё неистовый табун стремительных, беспощадно жалящих мурашек. Машка попыталась расслабить мышцы. Этот способ помогал усмирить мурашки, и не так сильно, ощущать колючий холод. Но, только Машка, прогоняла один табун, как резкий порыв ветра, пригонял следующий.

Наконец-то, подошёл поезд. Машка благословенно прислонилась на спинку сидения в вагоне. Пусть, он и продувается со всех сторон, всё же здесь теплей, чем на улице. Машку стало клонить в сон. Она попыталась отогнать дрему, вглядываясь в призрачный пейзаж за окном. Фонарям, время от времени, мелькающим вспышкой света, по пути следования поезда, всё-таки, удалось усыпить Марию.

- Конечная. Просыпаемся. Выходим, - голос вагонновожатой воткнулся гвоздём в висок.

- Как, конечная? Проспала свою остановку, - встрепену-

лась Машка, моментально проснувшись.

- Так, конечная. Всё, поезд дальше не идёт, - отрезала вагоновожатый.

- А, когда следующий, обратно в Питер пойдёт? - заволновалась Маша.

- Буквально, через несколько минут. Если поторопишься, успеешь, - кивнула вагоновожатая на поезд за окном.

Машка бегом помчалась туда, куда указала вагоновожатая. Выпрыгнув с поезда, сиганула с платформы и моментально увязла в сугробе. Снег тут же плотно набился в невысокие ботинки Марии. Не обращая внимание на озноб и тающий в ботинках, от тепла ступней, снег, Мария почти влетела в соседний поезд.

- Бррр, успела. Ну, и, морозина. Ладно, главное на поезд успела. Лишь бы, контролёр не появился. Билет-то обратно, не купила. Ох! Ничего, скоро буду у Ленкиной сестры, а там, и отогреюсь, и поем, и сладко посплю, - расслабленно думала Мария, вытряхивая снег из ботинок. Поменяв промокшие носки, на новые, тут же снова уснула.

Так, она проспала свою остановку три раза. На третий

всё-таки успела сойти с поезда в Сестрорецке. И, это, был последний поезд на этот день. Следующий придёт только утром.

- И, что теперь? Куда идти? Ладно, не стоять же на месте, пойду в сторону Санкт Петербурга.

От тусклого света фонарей, прочитать названия улиц на Ленкиной карте, было невозможно. В сумраке, буквы выстраивались безмолвным пунктиром. Машка решила доверится памяти, она была однажды в гостях у Лениной сестры. Хорошо помнила дом, где она жила. Но, было, одно большое но, это был день и ранняя осень, а сейчас вовсю разгулялась зима, да и сгустившиеся сумерки обезличили дома, дороги, да и всё вокруг с тех пор и сейчас изменилось.

Машка долго бродила во тьме. Нужный дом, словно прятался от Машки, а дорожки, по которым она ступала, путались, сворачиваясь и разворачиваясь, как им вздумается. Людей у кого бы можно было спросить дорогу, на пустынных, полных улицах не было. Выбившись из сил, Машка побрела на станцию Разлив, мимо которой проходила не раз, в эту полночь. Там, у вокзала, лавочки, хоть чуток посидеть на них, дать ногам отдохнуть, а там дальше двигаться на поиски дома.

Только Маша присела на одну из лавок, как из-за угла вокзала показалась женщина, средних лет. Замотанная с ног до головы в платки; и на голове, и на плечах, и вокруг пояса. Светлая, болоньевая куртка, ниже колен, из-под которой воланчиком топорщится юбка до пола, невнятного цвета. Стоптанные, морщинистые полусапожки на ногах. В обеих руках пакеты с пустой тарой. Не меньше двух в каждой руке. Женщина неторопливо прохаживалась по площадке у вокзала, набивая свои пакеты пустыми бутылками. В какой-то момент она поравнялась с Марией. Оглушённая морозом Машка, безмолвно уставилась на неё.

- Вот, эта ночка. Морозно, свежо, сил сразу столько прибавилось, что и слов не подобрать, - вдруг завела беседу женщина, - я тут с восьми вечера хожу. Вот, смотри, сколько пустой тары собрала, да привокзальную площадь прибрала. Всё в плюс. А, утром схожу, сдам их, какая никакая копейка будет. Сыну сладкого куплю. Он у меня сладкоежка, дома сейчас, в Питере. Приболел, не ходячий совсем, а так бы со мной точно поехал. Я вот, который год, как темнеть начинается, сразу сюда, в Разлив, для равновесия приезжаю. Над Санкт Петербургом, ведь, знаешь-не знаешь, тёмная сила висит. Ещё, со времён первой битвы света и тьмы. Вот, мы посланники света и сдерживаем её, темноту-то. Чтоб, людей и город не поглотила. По мимо меня, ещё, четверо светлых, равновесие держат. Трое, как я по сторонам Санкт Петер-

бурга, вахту ночную несут, а один в центре города. Я единственная на улице тьму сторожу, остальные у себя по домам. Темнота тому виной. Мы же с сыном должны, были, здесь в Разливе жить, после катастрофы на родине. Квартину долго ждали, а как очередь подошла, выяснилось, что нашу квартиру уже, кто-то занял. Но, мы не отчаиваемся. Светлые силы нам помогают, вот адвоката мне послали. Бесплатного. Он сейчас решает вопрос с нашей квартирой. А, я не ропщу. Как, мне было предсказано, светлую вахту несу. Хочешь со мной, вместе? Может неспроста мы с тобой встретились сегодня. Походим, до утра, Питер посторожим. Как, вокзал откроется, кипятка в буфете попросим, чай в пакетиках с собой есть. А, тару сдадим, так и сладкой сдобы к чаю возьмём. Что скажешь?

Машка, стуча зубами от холода, прошелестела, что-то невнятное в ответ, а женщина, страж света, продолжила свой эпический рассказ про битву добра и зла, что незримо творилась с наступлением ночи, над Санкт Петербургом.

- Вот, эта точка света, здесь в Разливе находится. А, я её страж. Такая моя судьба.

Дав договорить женщине, так как перебивать её, Машке было неудобно, а её рассказ и, правда заворожил и заставил забыть на мгновение о холоде. Наконец, спросила, не знает

ли женщина, где находится нужный Машке дом.

- Нет. К сожалению, не знаю, - покачала головой женщина.

Машка сразу потухла, и снова стала мёрзнуть. Женщина-же продолжила агитировать Машку, встать на силу добра. Видя, что Мария вяло, реагирует на её притчи, женщина вдруг поменяла своё мнение о знании местности:

- Погоди. Слушай, так дом твой, тут за углом. Точно, недавно там проходила. Вот, за вокзал заворачивай, а там тропинка, ты по ней иди, иди, никуда не сворачивай, и она тебя прямо к дому нужному приведёт.

- Что, правда? Вот спасибо, - обрадовалась Маша.

- На здоровье! Приятно было поговорить с тобой. И, смотри, хочешь Санкт Петербургу помочь, приезжай сюда в ночь. Точку света сторожить. За мной ведь тьма ходит, вдруг чего. За место меня будешь.

- Спасибо вам, ещё раз. Обязательно подумаю, над вашим предложением, - поблагодарила Маша и перебарывая дрожь в замёрзших ногах, устремилась к дому Ленкиной сестры.

- Ну, ты даёшь, Мария. Я уже раз десять выходила тебя

встречать, а тебя всё нет и нет. Уже думала, не случилось ли чего, - встретила её встревоженная сестра Лены, Тамара.

- Ой, Том! Сегодня был странный вечер, и странные люди встречались на пути. Бес поэт в метро и здесь, в Разливе, продроглый воин света. Ставь скорее чай, Тамара, и я тебе всё расскажу, - устало прошептала Мария, - и вот, в термос тоже, чаю завари, надо этой женщине отнести, без нее бы, так и плутала до утра.

- Какой, ещё, женщине? - нахмурилась Тома.

- Ну, воину света. Дай, передохнуть пару секунд, и всё, узнаешь. Эхь.

Услышав историю воительницы с тьмой, Тома истово крестясь, оставила Марию отогреваться, отдыхать, а сама помчалась на поиски удивительной женщины. С которой, спустя мгновения вернулась обратно, с жаром обсуждая битву света и тьмы. Нет-нет, бросая удивленный взгляд на Машу, тихонько приговаривая, - Ох! Мария, Маша, Машенька. Сама Богородица тебя, к нам привела. Эх, да, да.

Маша, засоловев, от тепла, уютного гостеприимства и усталости за день, незаметно для себя уснула. Оставив Тому с новой подругой, по интересам и принципам.

А, утром обнаружила, записку от Тамары с просьбами и указаниями, что и как в её обители, можно и нельзя. Где, что лежит и куда звонить, если вдруг что случится. Благодарности за знакомство с интересным человеком и добрые напутствия, на дальнейшую учёбу. А, так же образок Богородицы, от новой знакомой воительницы, с пожеланиями Мира и Добра.

Глава 2 Кэш, Стэп и Поля Словесности

...Не звенит комар, овод не жужжит, тишина вокруг, воздух не дрожит, словно дух дарымский весь поистратился, и живое всё здесь повымерло. Постояв в тиши, птицы Накии, посмотрев на то, что так грохнуло, молча ввысь, ушли и до города, там решать,...как быть и что делать-то... что делать-то... делать то... то... то...

Вместе с вырванным из уха наушником, все чудесные краски, окружавшие Кэша в полудрёме видения, стали блекнуть, сереть, свернувшись калейдоскопом, втянулись в точку, растаяли. Вместо них, в с трудом открытые, прищуренные глаза Кэша ударил яркий свет электропоезда метро. Кэш снова зажмурился и услышал громкий голос:

- Эй. Парень. Просыпайся, конечная. И давай домой иди уже. Ну, честное слово надоел ты мне. Целый день тебя с поезда снимаю. А ты снова тут, как тут. Ау, парень? Вставай, давай, просыпайся.

- Что? Конечная? Чего? - Кэш с трудом попытался открыть глаза, но от яркого света быстро зажмурился.

- Чего, чего, конечная, говорю. Выходи, давай, - стал топотать вагоновожатый.

- Как конечная? Я же только в Девяткино в вагон зашёл.

День был.

- Был, да на закате сплыл. Ладно, поднимайся, поезд сейчас в депо уходит.

- Блин. Мне же за квартиру заплатить надо было. Внести первый взнос за аренду и кредит погасить, - сокрушённо проямлил Кэш.

- Эх, парень, у нас, у всех кредит сейчас. Поработал, получил, заплатил, отдал. Только, глаза прикроешь, а, уже труба зовёт. Так, и живём. Понимаю. Сочувствую.

- А, где я? Какая, это станция? - задал вопрос Кэш.

- Ветеранов это. И, вот совет тебе, поменьше пей всякой дряни. А, лучше бросай, это дело, совсем. Или, раз так надо, то бери самое лучшее, проверенное, и главное в меру, в удовольствия меру. И, вот увидишь, пойдут сплошные плюсы, вместо минусов. Голова ясная, да, и пожить успеваешь. Мы, вот, с супругой решили, пока ипотеку выплачиваем, съездить мир посмотреть, всё равно, в ближайшие годы, позволить не сможем, так, пусть мир сам будет, в гости к нам. Сегодня перед сном, например, три часа Венгрии, фильм тамошний, какой подберём, и что-то из блюд венгерских приготовим. Плюс, жена народные венгерские костюмы подготовила. Красота! Будапетшская ночь, марципан, гуляш, Уникум, - зарумянился мужик, предвкушая, - Ладно, парень, желаю тебе успехов с кредитом. День долгим был, да, вот ночь бы ещё растянуть, - подмигнул Кэшу и бодро зашагал в сторону лестницы к турникету.

- Позер нашёлся, советчик не прощенный. Но, как-же так вышло? Только, ведь, в поезд зашёл, и вот конечная. Чтоб его. Мне же на Ломоносовскую надо было. Аренду оплатить. Хозяйка квартиры, наверное, весь день прождала. Женька расстроится, - Кэш склонил голову набок, всё ещё жмурясь, щёки и уши полыхают огнём от внезапно нахлынувшего стресса. Проверил телефон. Так и есть, хозяйка квартиры звонила, и не раз. Краска паники и отчаяния, залила всё лицо Кэша, и плавно перешла в шею.

- Женька, Женёк, любимая. Что, ей теперь говорить? Снова подвёл, опять незнамо, где профилонил. Да, ядрён батона булки, что-же так водит-то меня проклятое болото.

Кэш постоял ещё, чуть сгорбившись под тяжестью наваливающейся глыбой безысходности, разогнулся, выгнулся, пошёл не торопливо к лестнице, на выход.

Шёл не торопясь, домой идти совсем не хотелось. Там мама, скорее всего не спит, ждёт его. Снова будет смотреть с немим укором, мол, эх ты, голова окаянная, да ну, что с тебя взять, весь ведь в папашку. Тот тоже гол, как сокол, полетал, попархал, да всё попусту. Молча укорять будет, лучше бы ругалась.

А, там и Женя его, наверное, как и мать, молчаливо, беззвучно в уголку слёзы льёт. Как же он боялся этих слёз, корил потом себя, заснуть не мог, плескался в отчаянии. Да, а разве он виноват, что так в его жизни происходит. Разве не хочет им помочь? Всё для них делает, живёт, работает, лю-

бит их больше света, старается. Но, вот, чтоб не делал, всё через пень-корягу, словно морок кто навёл, словно тень его над ним потешается, водит кругами, туманит.

Эх! А ведь так хорошо сегодня день начался.

- Инокеша, вставай. Давай моряк, с печки быстро бряк и иди завтракать. У меня для тебя поручение, ценное задание есть.

- Корабельщики в ответ, мы объездили весь свет, притомились, подустали. Всё мамуль, проснулись. Встали... Ох! Эх! Мам, я сегодня еду за квартиру первый взнос отдавать. Завтра с Женей переезжать будем. Какое ещё задание? - зевнул Кэш.

- Успеется. Сначала мою просьбу выполни, а потом и своими делами займешься. Хорошо?

- Хорошо, капитан Н-мамо, ладно. Ты здесь главный на лодке. Что нужно сделать. Рассказывай.

- На, вот, смотри, лодочник, квитанцию на бандероль принесли, почему-то на наш адрес. Не на новую квартиру. Адрес почты-то новодевяткинский. Но на твоё имя. Странно. Ты давай съезди в Тридевяткино, деньги у наших жильцов заберёшь, квиточки не забудь взять, да заодно сходи на почту тамошнюю, разберись, посмотри что прислали.

- Ну, мам. Я хотел, до встречи с хозяйкой квартиры, в центре прогуляться. Вдохновения нахватить.

- А, ты в Тридевяткино, погуляй. Свежим воздухом подышишь, походишь и вдохновишься заодно. Нахватить, что

ещё за слово такое? Выдумаешь тоже. Давай сын, подымайся, да пойдём за стол. А, там скоро съездишь, скоро вернёшься.

- А, Женя где? - спросил Кэш, взяв в руки гитару, насобирав душой лирический мотив.

- А, Женька твоя, с час назад упорхала. Тоже, говорит за вдохновением, с подругами в Эрмитадж подалась. Там выставка новая, интересная проходит. Что-то привозное. Вот, так, вдохновлённые вы мои. Смешные, хорошие, бестолочи только. Ну, да ладно. Лишь бы здоровые были. Живые, - мягко проворчала мама, посмотрела в окно на клубящиеся облака, улыбнулась чему-то своему, сокровенному, пошла, ворковать над завтраком.

День был солнечный, облака красиво кучерявились, под ласковой рукой тёплого ветра, прилетевшего в Санкт Петербург с южных земель. Тут и там о чём-то важном сварились маленькие, черноголовые, серошеии галки. Неспешно, лениво шумел утренний город.

Доехав на метро до Девяткино, Кэш решил не брать маршрутку, а пройти пешком до деревни. Где, год назад наконец-то достроилась их с мамой новая квартира. Получив ключи на руки, на семейном совете, было решено, квартиру сдавать. Кэш, конечно, думал о том, чтобы самому переехать сюда вместе с Женей. Но спорить не стал, ведь основную часть квартиры оплатил отчим, стало быть, ему и решать. Тем более Женька, любившая всё делить пополам на равных, ещё загодя предложила для начала совместными усилиями

снять квартиру, пожить, посмотреть, как получится. Навсегда ли их отношения, подходят ли друг другу. А там уже решится по-настоящему жить вместе, может даже взять ипотеку.

Кэш не спешил. С квартирантами созвонился ещё из дома, предупредил, что будет у них в районе часа. Поэтому неторопливо наслаждался прогулкой. Постоял на мосту, на Главной. По краям заросшего кустарником и травой берега редкие, частные домики. Заворожённо смотрел на бегущую воду, помечтал о том, как будут с Женей обживать первое совместное гнёздышко. Задумался, что же понадобится докупить для комфортного быта. Чем же таким вкусным угостить друзей сослуживцев и Женькиных подружек, которые обязательно нагрянут поздравить с новосельем. Надо бы составить меню, посоветоваться с Женей, что приготовить. Достал из кармана кольцо, семейную реликвию, которое мама торжественно вручила ему, как только он сообщил, что решил съехаться с Женей. Стал представлять, как удивится и обрадуется Женька, когда он предложит ей выйти за него замуж, прямо в разгар застолья, как радостно хором загогочут, как взорвутся поздравлениями их друзья. На долю секунды за переживал, а вдруг Женька не согласится. Отогнал поскорей эту мысль. Конечно, согласится, ведь они уже не много, не мало, третий год вместе. Чего только не происходило за это время, а она рядом, прощает его, за иногда бестолковость, за промахи и бывало неудачи, всегда так неж-

но, бережно обнимает, чувствуется, любит его. А он горячо, несомненно, безусловно любит её. Дорожит ею. Вспомнил их первое знакомство, осень в тот момент, уже окрасила листву багрянцем, и вдоволь наигравшись с цветовой палитрой, восторженно сбивала особенно яркие листики порывистым ветром и мелким, точечным дождём. Кэш зарделся румянцем, вспомнив, как стеснялся подойти, в парке Победы, к Жене, окружённой стайкой подружек, на высоких каблуках, в воздушных платьицах, под приталенными пальто. Они, быть может, и выглядели ярче, даже красивей и интересней, чем его задумчивая Женька в простеньких джинсиках, вязаном кардигане и кедах, но он с первого взгляда на неё, понял, что, вот она его судьба. Что, только с ней он хочет познакомиться. Что, его тянет к ней. Только её, он хочет кружить в объятиях. Не отпускать. Держа её за руку, подпевать в унисон мелодиям уличных музыкантов. Стать для неё опорой, быть для неё всем. Целовать её. Гладить её красивые, блестящие, жгуче рыжие локоны, так ярко, благородно, подсвеченные молодой осенью. Слушать её, чтобы она не произносила и даже просто смотреть, любуясь. Женька, такая родная, такая его. Подумал, что не плохо бы после переезда, съездить на дачу с Женей, только вдвоём. Искупаться напоследок лета в озере, нажарить ароматного шашлыка на берегу, запечь в фольге последнюю в этом сезоне молодую картошку. Повалиться вдоволь в траве, поиграть с божьей коровкой, поискать четырёхлистный клевер, по загадывать

желаний до следующей тёплой поры, вечером попариться в баньке, а перед сном посчитать звёзды на низком, загородном небе, тихо радуясь уютному счастью быть вместе. Вот, там-то, а не новоселье он вручит Женьке кольцо и душу, а сердце его и так у неё. Точно! И как вовремя вспомнил о том, что Женя не любит быть в центре внимания. Напугается ещё. А в уютной приватной обстановке точно оценит момент его признаний, и уважит его предложение. Решено. Кэш улыбнулся этой идее, эхово повздыхал, бросил монет в воду, на удачу с хорошей погодой, побрёл в сторону дома, всё ещё мысленно полируя, жемчужа до счастливого, идеально-го, яркого блеска мечты об их с Женей совместном, прекрасном будущем.

По быстрому забрав, у квартирантов месячную плату за жильё, и квитки за коммунальные услуги, отправился на почту. Которая почему-то находилась в жилом доме, на первом этаже в одной из квартир. На длинной, колченогой лавке плотно сидит местный народ. В пол шёпота гудит ульем, работягами, пчёлками. Очередь почти не двигается, а люди всё идут и идут, заполняя собой весь узкий коридор. Где-то впереди заплакал ребёнок, рядом с Кэшем цокнула в негодовании грузная бабка, чертыхнулся усталый мужик, стоящий в самом углу, сонный полушёпот толпы стал перерастать в недовольный галдёж, атмосфера начала накаляться. Заголосила заполошная тётка.

-Да, что-ж это такое? Зачем вы ребёнка с собой притащи-

ли, тут же дышать нечем, битком набито. Ему же воздуха не хватает. Да что-ж за матери такие пошли, бестолковые. Выведете его на улицу или успокойте. Безобразие, - покраснела в гнев тётка, поправляя широкий, коричневый ободок на седой голове.

- А, вы не указывайте, что мне делать. Я сама себе указ, - сразу нахохлилась мать, приобняв хныкающее дитя.

- Дура баба. Чему тебя твой муж учит, - подал голос мужик из угла.

- Да, кому ваша кобелиная наука сдалась? Тьфу, тоже мне мужик нашёлся, умник. Слово одно, а не мужик, - выпалила за мать, из толпы, ярко накрашенная женщина без возраста, поджав ядовито малиновые губы в негодовании, подняв к потолку глаза, часто хлопая густо подведёнными ресницами. Своего вспоминала.

Дальше Кэш слушать не стал, скрылся за наушниками. Мигрень, воткнувшаяся гвоздём в висок, стала отступать. А толпа начала стремительно редеть. Три молодые, симпатичные девушки, закатив глаза, без лишних слов встали и покинули очередь. За ними исчез пенсионер интеллигентного вида. Заполосная тетка, потрясая кулаком в воздухе, скрылась следом. Резво забежавший после неё мужчина, подскочив к женщине с ребёнком, стал технично сканировать гневным взглядом толпу, выявив мужика обидевшего словами жену, так же резво подскочил к тому, схватил за шкурку, уволок на улицу. За ним причитая, выбежала мамаша, таща за ру-

ку ребёнка. За ней след в след застучала каблуками расфуфыренная дама, увлекая за собой оставшихся, которые явно позабыв о своих бандеролях и письмах, потянулись на улицу досмотреть, чем закончится разгоревшийся скандал.

Остался только Кэш и грузная бабка, которая, не переставая, заливалась смехом всю сварку. Толкнув Кэша локтём в бок, кивнула ему в сторону окошек, мол, иди, пропускаю. Кэш кивнул ей в ответ, сказал:

- Спасибо! Я быстро, только бандероль получу.

- Иди, иди. Я подожду. Мне спешить не куда, - закивала бабка, продолжая сипло хохотать.

- Здравствуйте. Мне бы бандерольку забрать.

- Давайте квитанцию. Хорошо, что заполнили, а то устала всем, как попугай повторять. Перед получением заполняем форму сзади. Ага. Так это не к нам, - оператор обратно протянула квитанцию Кэшу.

- Как, не к вам. Адрес ваш указан. До востребования, - запротестовал Кэш.

- Адрес-то наш, индекс не наш. Тут, у вас, мало того, что все цифры местами переставлены, так ещё и шестёрка лишняя. Не к нам это, - отрезала оператор.

- А, где это отделение, не подскажите?

- Ох. Погодите. Сейчас гляну. Так... А, нет такого отделения.

- Как, нет? Квитанцию-то принесли.

- Вот, так, нет. Либо над вами пошутили, либо просите

тех, кто вам посылки шлёт, правильный индекс указывать.

- А, вы бы не могли по фамилии посмотреть. Вдруг, бандероль всё-таки у вас.

Оператор тяжело вздохнула. Было видно, что ей не впервые попадают такие настырные клиенты. Но кивнула, - Хорошо, гляну, - покопавшись в старом компьютере, отрицательно закивала головой:

- Нет, на вашу фамилию ничего нет.

- Как-же так? Ладно, извините, пойду искать другое отделение, - нахмурился Кэш.

- Удачи, вам, в поисках. Но, такого отделения нет. Я посмотрела по базе. По крайней мере, в нашем районе, точно нет.

Тяжко вздохнув, Кэш вышел на улицу. Народ, присутствующий при сваре в отделении, к тому времени, уже разошёлся по своим делам. Рядом, на капоте машины, отдыхает от суровой уличной жизни, чумазый, грязно бело-рыжий кот, смотрит голодным взглядом на воркующих голубей.

- Здорово, приятель. Смотрю, нелегко тебе живётся? Где-ж ты, так мордаху вымазал, бедолага? На вот, братан, колбасы с бутерброда поешь. Докторская, подкрепишься немного, - обратился Кэш к коту, доставая из кармана пакетик с бутербродом, ласково собранный мамой перед выходом.

Кот спрыгнул с машины, благодарно заурчал, медленно, бережно казалось почти с наслаждением, аккуратно стал поглощать предложенную, неожиданную колбаску, откусывая

от неё по кругу. Заинтересованно, сквозь прищур, поглядывая на карман Кэша, вдруг там, что ещё перекусить найдётся.

- Не, дружище, больше нет. Хотя вот хочешь, тут на хлебе маслом намазано. Может это тебе поможет, подойдёт, - Кэш протянул коту умасленный кусок белого хлеба.

Кот вытянул чумазую мордочку к протянутому хлебу, понюхал его. Зажмурив глаза, тихонько взял за край. Положив перед собой, немного облизал, а потом стал по кусочку откусывать, урча и жмурясь.

- На здоровье братан. Не болей, - улыбнулся Кэш.

- А, ты добрый малый, да? Это хорошо, одобряю, - Кэш, вдруг, услышал сиплый голос позади себя, обернулся. А, кот нависнув над хлебом, ошетилившись, зашипел.

Это грузная бабка с почты, незаметно вышла и пока Кэш заботливо кормил кота, с интересом разглядывала его.

- Ты это, слышишь, почту ищешь да? Я там немного подслушала, извини. Так, вот, я могу подсказать, где это. Да, что, там, так и быть, отведу.

- Серьёзно? Оператор сказала, что, такого отделения здесь нет, - ожил Кэш.

- Да, много она знает, твоя оператор. Наберут молодёжь, ни чего не ведают, знать не знают, и знать не желают. А, я тут давно живу. Всё родное, знакомое. Пойдем, покажу, - растянулась в редкозубчатой улыбке бабка.

- Вот, спасибо. Я уже подумал бросить это дело, не искать.

- Да, на здоровье. Мне чего, не жалко, заодно прогуляюсь,

- подмигнула бабка и вдруг резво потопала по дороге в сторону леса.

- Пойдем добрый человек. Напрямик сходим, пройдемся, есть тут тропинка одна, заповедная. Быстро доберемся.

Кэш удивлённо вскинул брови, глядя с какой прытью, устремилась бабка к обещанной почте, ещё больше удивляясь тому, что идти, предстояло через лес. С другой стороны, это же просто старая женщина, что она может с ним сотворить. Да и интерес, что же ему там за вещицу прислали, взял над ним верх. Кэш воодушевлённый неожиданной удачей, поспешил за бабкой. Обернувшись, помахал на прощание коту.

Как, только, они вошли в лес, привычные уличные звуки приглушились, яркий солнечный свет, уступил место густому сумраку. Здесь было сыро, пахло птичьим помётом, лежалой листвой и сгнившей корой, упавших, когда-то в ненастную погоду деревьев. Вороны. Почти на каждой ветке мрачного леса, восседали вороны. Полчища воронов. И, если в городе они игриво летали повсюду, опасливо держась от людей в стороне, и хрипло каркали друг на друга, то здесь в лесу, они непривычно молчали, не пытались удрать со своих насестов-веток и недобро сверкали на Кэша глазами бусинками.

Бабка словно и не замечала воронов, всё, так же, вприпрыжку неслась по витиеватой тропинке. Кэшу даже казалось, что кусты и деревья, сдвигаются с бабкиного пути, а

она паровозом неслась сквозь буйную поросль, похохатывая и торопя за собой:

- Ха-ха! Давай паря, не отставай, скоро на месте будем. Ещё, повихляем и будь здоров, прямо там, где надо окажемся.

На одной из развилок им повстречалась жуткая бабища. Повыше и по шире бабки. Одета в серое, грязное тряпье. Неумелой рукой, пошитое из мешковины рубище в корявых заплатках и с неровными, рваными краями юбка. Что, странно босая, с жуткими отросшими ногтями на пальцах, давно не мытых, заскорузлых ног. Волос на её вспухшей, бугристой, угловатой голове почти не было, бесцветные, мутные глаза слезились противным, скисшим творогом, из перекошенной трещины рта капала слюна. Тяжёлые, мясистые ручки согнуты в локтях, вздутые измазанные землёй пальцы перебирают затхлый воздух. Увидев бабку, жуткая бабища отошла к ближайшему дереву, откуда с глухим хрипом стала разглядывать Кэша.

- Ох! Ух! Чудище лесное. Проснулась-таки жабоватая. Напугала, чтоб тебя. А, ты паря, не бойсь, эта образина хоть и Людо-людоедка, лесная мужеедка, но не тронет тебя, пока. Тебе же тридцати восьми ещё нет? Тем более сорока, вот и ходи спокойно. Людо постарше мужиков любит, особенно сорокалетних жалует, чтоб пропитой был, прокуренный. Как, увидит, унюхает хватить на плечо и в лес, в берлогу. Чудище окаянное. Как, насытится мужиком маринованным, так

чумазым кабанчиком спать в землянку завалится. Раз, в семилетку проснется, и давай по новой на мужика охотится. Только ими и питается. Так, что, до тридцати восьми ходи по лесу спокойно, но, как стукнет сей возраст, один туда, ни ногой. А, после сорока, так и вовсе забудь один там шастать, особенно подшофе. Людо встретишь и привет, поминай как звали, - хохотнула опять бабка.

- Охуэrrrr, хвиерrrr, ткхерrrr, - захрипела им в след бабшца.

- Сгинь, нечисть лесная. Не до тебя сейчас. О! Почти на месте, вон там за кривой берёзой смотри, домишко скукожился, окна в землю вросли, порог провалился, крыша мхом поросла, дверь раздавлена. Вот, она твоя избёнка почтовая, - подмигнула бабка Кэшу и раз в три прыжка оказалась у на вид не жилой развалюхи. Хохотнула, топнула кирзовым полусапожком, ушла в подпол.

- Эй! Женщина, вы куда? А, посылка? Где почта-то? - крикнул Кэш.

Вместо ответа из под земли пробкой спружинила бабка. Пыль столбом, вокруг земля снарядами, держа в руках небольшой, грязноватый свёрток.

- На, паря, вот твоя бандеролька. Всё, как, в аптеке, тьфу, прости, на почте. Вот, печать, вот адрес. Получите, распишитесь, - сунула в руки Кэша бандероль, выхватила у оторопевшего парня квитанцию, мелко, мелко порвала и по ветру раскидала.

- Фух, пух, рвань, прах. Прощевайте дорогой Иннокентий Андреевич. За сим откланиваюсь, - хохотнула на прощание бабка.

Кэш собрался было повернуть на тропинку, как увидел за собой плотную стену леса. А, тропы, по которой они сюда пришли, словно и не было.

- Женщина, погодите, а как мне обратно вернуться? - запаниковал Кэш.

- Да, вороны тебе в помощь. Эй, черноголовые, проводите парю. Птичий дух Бавмода, не серчайся-ка, вишь, Иннокентий Андреич домой торопится, да дороги не видит. Помогай, будь добр, - прикрикнула бабка птицам.

- Карррр, карррр, - ответили хором пернатые и разом снялись со своих насестов. Закружились пернаворотом, плотной тучей налетели на Кэша, оглушили карканьем.

Как, налетели, завертелись, так в миг в разные стороны рассыпались. А, Кэш, перестав отбиваться руками от птиц, открыв глаза, увидел, что стоит у кромки леса, там, где они с бабкой заходили в начале.

- Очуметь. Что это сейчас было? Во дела! - часто задышал Кэш, оглядываясь на лес. Пытаясь переварить, всё что увидел, отказываясь до конца в это поверить.

Отряхнувшись от вороньих перьев, зашагал в сторону дороги, решив обратно к метро на маршрутке доехать.

Проходя мимо своего дома, заметил Женькину подругу Ладку, выбирающуюся из машины.

- Эй, Ладка привет! Вот, это встреча! А, ты чего, здесь делаешь? Тоже, что-ли квартиру тут купила? - обрадовался Кэш.

- О, Кэшкин, привет! Да, не я тут по семейным делам. Папа где-то тут ошивается. Как Женька? Сюда что ли переезжать надумали? - озарилась улыбкой в приветствии белокурая Лада, изогнувшись в картинной позе, поправила выбившуюся прядь. Хоть сейчас на обложку журнала.

- Женя, хорошо поживает, на выставке в Эрмитаже сейчас. Думал с тобой там, наверное, с Мариной пошла. А, собираемся мы, не сюда заезжать, а, на Ломоносовской, квартирку снимать будем. Приходи на новоселье, кстати. Будем рады тебя видеть, - пригласил Кэш.

- Обязательно Кэшик. Женьке скажи, пусть меня наберёт, давно её не слышала. Ладно, Кэш, на гулянке у вас увидимся, ещё поболтаем. Пойду папку своего искать, - заторопилась Лада.

- Давай Ладунь. Приятно было встретить тебя. Ждём у нас, - попрощался с ней Кэш.

- Давай! До встречи. Женьку целуй за меня, - кивнула Лада, послав Кэшу воздушный поцелуй, поспешила к дому, цоккая каблучками шпильками.

- Ладка красавица. Вот, Женька-то привету обрадуется, - подумал Кэш, провожая Ладу взглядом.

Уже, сидя в маршрутке, подумал, что посылку вскрыет дома, но спустившись в метро, понял, что ехать по времени ещё

почти сорок минут, так, что ничего страшного не случится, если он посмотрит на присланную вещицу прямо сейчас.

Рядом на сидениях два парня неформального вида обсуждают свои гитарные дела:

- Ну, так вот, деньги за гитару, этот чувак взял и пропал. Скотина! Думал, искать его не будем. Но, мы быстро нашли. У меня там, в Ставрополе друг был. Широкий во всех смыслах человек. Ну, вот, он, того чувака в чувство привёл. И, прикинь, брат, тот, козлина, потом, деньги сотками и полтинниками отдавал, и даже железом. А, самый приколы знаешь в чём? Оказалось гитары делает не он, а его брат старший. Мы сначала не поверили. А, когда съездили к его брату, реально чувак гитарами занимается. А, этот младший его, оказалось, неблагополучный, рекламировал себя, брал деньги и исчезал. Мы потом даже подружились с ним, так его жалко стало, что он такой непутёвый. Пока он долг возвращал, ходили на зелёные-пьяные лавки в центре, ну, так, пива попить, за музыку поговорить, а потом он опять куда-то пропал. Не знаю, может снова, кого облапошил.

- Да, братан, всякое случается. И, знаешь, что скажу, так всё меня достало. Может, в Ушки махнём, так хочется подальше от города убежать. Возьмём гитарки, барабасы, аппаратуру, попишем там, вдали от цивилизации, отдохнём от всей этой урбании.

- Чего? Какие Ушки братан, ты о чём.

- Да, смотрел, тут, на днях, на карту Мира, ту, что батя

подарил. И, вот знаешь, почти на самом краю нашей Родины, на берегу Охотского моря, Ушки обнаружил. Прикинь. Погуглил, вроде прикольное место. Берег моря, одинокая трёхэтажка и всё. Вокруг благодать! Да, и название понравилось. Ушки, на макушке...

Кэш про себя улыбнулся, подслушав разговор, переключил внимание на свёрток. Развернул обёрточную бумагу, достал небольшую коробку, открыв ее, обнаружил внутри золоченую фигурку кота. Ушки котика, когда Кэш их потрогал, свободно повернулись в сторону, поняв, что они провоцируются, потянул на себя, они оказались маленькими золотыми наушниками, от которых шёл золочёный кабель прямо в голову котика. Рядом узрел кожуру от банана. Подивился этому. Повертел коробку, ни каких надписей, ни адреса, ни даже печати. Странно. Поразмышляв, нажал пальцем нос кота, положил его во внутренний карман куртки, надел ушки наушники и пропал. Кот мелодичным голосом унёс его в неведомые дали, Кэш, словно птицей парил над каким-то чудесным, не знакомым ему краем. Слушая обволакивающий мурлыкающий рассказ котика, ни за что не хотел возвращаться в действительность. Будто хороший сон интересный смотрел, не хотел, не желал просыпаться, не хотел расставаться с видением.

И вот до смотрелся, до слушался котика до того, что целый день прокатался от конечной до конечной в метро. Мало того, кто-то унёс его кошелёк, а там и деньги на аренду,

и плата квартирантов за месяц и квитанции и главное кольцо для Жени. Ну, как же, так. А, кота и не взяли. Хотя он и из золота. Может вор побоялся разбудить Кэша. Да, что, теперь рассуждать. Денег всё равно не вернуть, и кольцо-то, как, жалко. Что же ему говорить маме, как объяснить Женьке, что переезда не будет. Кэшу хотелось кричать от обиды и злости. Поднявшееся давление стучало в висках, в ушах пульсировала ярость, лицо полыхало гневом.

Пройдя мимо дома, даже не взглянув на окна, Кэш взял, попавшийся ему на пути соседский велик, и направился в сторону залива. Там в кустарнике, рядом с пляжем, у него прикопан клад. Любимые книги, на всякий непредвиденный случай. И, вот такой случай настал. Чтение всегда успокаивало Кэша, особенно произведения Жюль Верна. Стоило ему загрустить, как он приходил сюда на залив, доставал из укромного места одну из книг и читал, читал, пока не почувствует, что стресс миновал. Именно, здесь, у воды, под шум набегающих волн и крики чаек, волнительные события со страниц приключенческих книг, написанных Жулем Верном оживали. Дарили тепло, сулили надежду о хорошем, и главное успокаивали, унося негатив далеко в тёмные глубины залива.

Достав книгу из плотного кокона пакетов и пупырчатой клеёнки, Кэш устало присел на холодный песок. Там же, в кутеле с книгами, лежал на лобный фонарик, подарок брата монтажника, подходящий, как раз, для чтения в тёмное вре-

мя суток. Но оказалось, что батарейки фонарика сели. Кэш положив руки на книгу, закрыл глаза. В бессилии, что-либо сделать, снова разозлился, махнув рукой во мрак, чертыхнулся, замотал книгу в полиэтиленовый кокон, убрал в жестяной короб, заново прикопал клад под куст. Спустился к берегу, а там не раздумывая вошёл в тёмные воды залива. Шёл долго, вода ни как не хотела подниматься выше колена. Вторя его настроению, будто издеваясь над ним, на мрачном, ночном небе загремел гром. Моментально, тревожно забарабанили капли дождя, будто провидение услышав Кэшину боль и обиду, решило сгустить и без того унылые, печальные краски. Засверкали молнии, разрезая скрытые теменью тучи. Кэш протяжно завыл. Заорал одной нотой. Стал, что есть мочи, лупить кулаками по воде. Ярость приливами возвращалась к нему, но ненадолго, уступая место парализующему отчаянию. Устав кричать, выбившись из сил, внезапно осознал, что молния может ударить по воде, а он в ней по колено и далеко от берега. От этой мысли Кэш, скривив рот, беззвучно заплакал. Подняв к небу глаза, закричал:

- Давай. Давай, жхни со всей дури. Давай, чего ты ждешь? Что, ещё, ты мне приготовило? Не много ли, считаешь, да? Ну, тогда, давай, грохни со всей силы. Давай.

Но молнии красными всполохами чертили небесный всход и не думая палить по заливу. Кэш опустил глаза, и в новом испуге расширил их, там, у ног плескались рыбы. Здоровенные рыбины. Между ними сновали мелкие огоньки. Кэш

ни разу в жизни, такого, здесь, не видывал, ни таких рыбин, ни тем более огоньков. Которые, устав сновать между рыб, завертелись вокруг Кэшовых ног водевилем. У него закружилась голова, но он не смел, закрыть глаз, а смотрел почти, не моргая на необъяснимые его восприятию, таинственные чудеса балтийских вод.

Тут, небо снова загрохотало. Наконец взорвался, показался снаряд молнии. Но, не с неба бабахнул, а, наоборот, из глубины вод. Кэша ударной волной подняло в воздух, и он в полёте начал терять сознание. Последнее, что он увидел, это летящие вместе с ним рыбины, и среди них огромная, гигантская, как кашалот, а за ней поднимающаяся, надвигающаяся на них стена воды, потом темнота.

Кэш проснулся от яркого, солнечного света и писка, который многократным эхом бил по барабанным перепонкам. Щурясь, с трудом продрав глаза, Кэш не без удивления увидел, что на его груди разместился целый выводок утят и это они хором задорно пищат, щеkotно перебирая лапками. Моментами, падая с него, они резво карабкались обратно на грудь. Рядом чистит перья на крыльях, мать утка. Заметив, что Кэш заворочался, она подошла и стала крякать ему прямо в ухо, трепать за ворот куртки и размахивать крыльями.

- Да хватит. Успокойся. Не трону я твоих утят, - обратился к утке Кэш, жалобно, сипло кряхтя и жмурясь от палящего солнца. Голова раскалывалась, одежда была, всё, ещё, противно влажной, от чего Кэша трясли мелкой дрожью мураш-

ки, хотелось пить, и он ни как не мог сфокусировать взгляд. По ощущениям время близилось к полудню.

- Брат, ну ты ваще. Замри, не шевелись, я должен запечатлеть этот кадр для истории, - Кэш услышал голос армейского друга Степана, с которым давно не виделся.

- Стэп, это правда, ты? - обрадовался Кэш.

- Я, брат. Приехал вот, повидаться с тобой, Дымкой и Валенком. Зашёл к тебе, а там суматоха, твоя девушка с мамкой на нерве, говорят, дозвониться со вчерашнего дня не могут. Выхожу из парадки, а там сосед твой матерится, говорит, забыл вечером велик, во дворе, и ему ноги приделали. А, другой сосед говорит, что видел, как ты велик, взял, сел на него и укатил. Я сразу сюда, помню, что здесь твоё укромное местечко. Кэш ты в запой ушёл что ли? Рассказывай, - с сочувствием задал вопрос Стэп.

- Да, тут, такое дело, - замялся Кэш, внезапно вспомнив про украденные вещи и в целом вчерашний день.

- Выкладывай, как есть, - подбодрил его взглядом Степан.

Кэш не стал заставлять друга долго ждать. Рассказал, не пропустив ни момента, не постеснялся пустить слезу, из-за горестных разочарований, и потерь. Стэп, в свою очередь, поведал Кэшу о том, что приехал не только увидеть друзей, но, и найти одну девушку, которую видел не раз на свадебных фотографиях однокурсников с Карабелки, и у армейских приятелей. Добавив при этом, что эту девшку не знает ни кто, кто присутствовал на всех этих свадьбах. Протя-

нув Кэш у групповое фото со свадьбы их сослуживца Боря-сика, ткнув пальцем на таинственную незнакомку, внезапно умолк.

- погоди. Кэш, ты только глянь, что там, у берега плещет-ся. Очуметь братан. Это, что за чудище-юдище, - вытаращил глаза Степан, поджимая нижнюю губу от волнения.

Там, у берега была плавниками по воде большая рыба. Странная на вид. Будто сплюснутая сверху, какая-то несур-разная, огромная, глаза на выкат выпуклые, хвост острым конусом. Рядом с ней плескаются похожие рыбы, но мень-шего размера, возможно молодняк.

- Кэш, ты это видишь. Вот это громадина. Слушай, у ме-ня появилась идея, как компенсировать твои потери. погоди минуту, надо сделать звонок, - Степан зарылся в контакты телефона.

- Ага. Нашёл, - обрадовано воскликнул Стёпа и нажал на вызов, - Алё! Михалыч. Приветствую! Не отвлекаю, тебя? Слушай, тут такое дело, можно я тебе по видео связи по-звоню. Надо посоветоваться. Можно? Спасибо Михалыч, ты только не падай, - Стёп перевёл звонок на видео.

- Сейчас Михалыч, ближе подойду. Вот так видно? Ты представляешь, что мы с Кэшем обнаружили. Как думаешь, что это за рыба? - задал возбуждённым голосом Стёп.

На том конце провода повисло молчание.

- Стёпа, а ты не мог бы вокруг неё походить? Можешь? Только не торопись, дай разглядеть поподробнее. Ага. Каме-

ру чуть повыше. Ох! Ничего себе! Вот это да! Степан, никуда оттуда не уходи. Я сейчас перезвоню, надо сверить данные, - сказал Валерий Михайлович и сбросил звонок.

Минуты потянулись, казалось бесконечным ожиданием. Парни ходили вокруг живой находки, не в силах, что-либо произнести, настолько впечатляющим было зрелище. С одной стороны пугающе своей неизвестностью, с другой производящей шокирующее впечатление. Наконец раздался сигнал вызова.

- Стёпа, это сенсация. Ни кому, ни слова и Инокентий пусть помалкивает. Привет ему, кстати. Вы знаешь, что, сейчас там побудьте, посторожите рыбку. Я постараюсь быстро подъехать. И запомни, ни кому, ни слова. Это просто грандиозно. Степан, ты меня понимаешь? - взволнованно тараторил Валерий Михайлович.

- Да, понимаю, Михалыч. Сам в шоке. Ты не суетись, скажи лучше, это что-то новое и неизвестное или древнее, ископаемое, как кистепёрая рыба? И главное мы с Кэшем можем рассчитывать на премию или что там за открытие видов дают, - спросил Стёп.

- Троекратное да. Давай на месте всё обсудим. Всё, выезжаю. По дороге ещё надо пару звонков сделать. До встречи, - коротко бросил Валерий Михайлович и отключился от разговора.

- Кэш, братан, ты всё слышал. Михалыч врать не будет. Мильёнерами может и не станем, но кое-что точно перепа-

дёт. И квартиру съездим сегодня снимем, и матери денег отдашь и кольцо, может не такое, как то было, но выберем. Ты в порядке? Что-то ты бледный. Извини братан, вот я дубина, ты же здесь ночевал, - вспомнил Степан, - слушай, Кэш, ты посиди здесь, а я сбегая, куплю нам перекусить чего-нибудь и попить. Я быстро. Никого к ней не подпускай. Всё, братан, одна нога здесь, другая там, - на бегу крикнул Стэп и был таков.

Кэш присел на камень-валун у самой кромки воды. Мысли путались. Что за чудеса происходят, не понятно, да ещё изо дня в день. Почему? Зачем? Да какая разница, главное Стэп приехал и сразу, ну почти сразу, решил проблему. Как в старые добрые времена, когда они только познакомились на службе в Мурманске. Что бы ни случилось, Стёпка решал любую поставленную перед ним или его друзьями задачу почти мгновенно, никогда не бросал в беде, не подводил.

- Дружище, Стэп, - растянулся в растроганной улыбке Кэш.

Солнце потянулось к нему согревающим объятием, заодно накрыв тёплой негой залив. Горечь ночных переживаний пошла на убыль и теперь казалась ему пустяковой, ни чего не значащей ерундой. Главное друг рядом и вместе им ни по чём любая преграда, любая проблема решается, а на любой вопрос обязательно будет найден ответ. Жизнь снова прекрасна, как оказалось всё ещё полна приятных сюрпризов и даже неожиданному чуду место нашлось. Кэш проводив взгля-

дом утку трогательно уводившую выводок утят куда-то вдоль побережья, наверное, искать местечко более годное для тренировки по плаванию, подальше, от соседства с гигантской рыбой и её не менее гигантских мальков, благодарно подмигнул небесам:

- Прошу прощения, за сказанные этой ночью обидные слова. Это в сердцах было брошено. Спасибо тебе и Жулю Верну за рыбу, утят и что друга привёл, благодарствую!

- Кэш, дружище, перекусим, что ли. На, держи, тут сандвичи с ветчиной, сыром и помидором, тут с индейкой и китайской капустой, а ещё горячий кофе, соки и свежий салат. Всё что нашёл по близости, купил. Продавец очень хвалила. Ты поешь, сил наберись. Да давай подумаем ещё раз, над твоей ситуацией. Слушай, предлагаю первым делом, как с рыбой управимся, премию за неё получим, съездим, квартиру тебе с девушкой снимем. Переговоры с хозяйкой беру на себя. Она, наверное, ещё злится на тебя, целый день звонила, небось. Ну, это ерунда. Главное, чтоб квартира ещё не сдана была. Девушка твоя, именно эту хотела? Или может, другие варианты посмотрим?

- Эту, - коротко бросил Кэш, с наслаждением откусывая от сочного сандвича.

- Ну, хорошо, не проблема. Потом, по поводу кольца. Оно примерно, какого года, наше или заграничное, сделано на заказ или фабричное? Предлагаю по комкам и скупкам пробежаться, если старинное. Может похожее найдём. Далее, если

надо будет, денег добавлю. Ты не переживай. Хорошо? - заботливо спросил Стэп.

- Хорошо, - благодарно блестя глазами, ответил Кэш.

- Слушай, а Валенка с Дымкой давно видел? С ними бы ещё повидаться. Соскучился по ним.

- Да давненько. Хотя подожди. Дым звонил, может, пару дней назад было. Сказал, что едет к Валенку под Псков. Звал с собой. Он как обычно гусли в руки и вперёд. Да, кстати у него новое увлечение появилось. Ткацкий станок. Да какой-то мудрёный. Сам ткёт, сам рисунок, узор вышивает. Там камера, Дымка говорил. Кадр настраиваешь и станок, что через камеру видит, то на ткани производит. Механика нового дня. Вот он с ним к Валенку и уехал. Там говорит под Псковом, закаты-рассветы особенные, золотом несокрушимым в отражении озёр простираются. Ну, Дым, думаю, сам нам покажет, что выткал на Псковских просторах, красотах, расскажет под гусли, как приедет обратно.

- Ого! Ну, Дымка всегда был с выдумкой мужик. Давай сегодня им позвоним. Пусть оба скорее приезжают. О стольком поговорить охоту. Ух, не терпится, - поджав губы в предвкушении, сказал Стэп, добавив, - Кэш, братан, так рад тебя видеть! Брат! Дружище! - растянулся в улыбке.

- Стэп, а я как рад! Брат! - растроганно ответил ему Кэш.

Друзья, радостно загоготовав, пожали друг другу руки, стукнулись кулаками.

- Да, брат! Да! Кстати, кота-то послушать дашь? - Стэп,

вытянул бровь дугой.

- Конечно! Бери, да слушай, - Кэш, протянул другу золотённого котика.

Стэп, повертел в руках, на вид, абсолютную безделушку, нашел у котика, ушки-наушники, вставил их в свои уши, и тут же унёсся в неведомые, распрекрасные дали, под чарующий, завораживающий голос, который вещал на распев:

Поля Словесности

Широко раскинулись поля Словесности, по землям Нэвии, что на дальнем востоке бескрайней Дардарии, где неспешно, несёт свои светлые водицы красавица Дарыма, что журчит всегда по-весеннему, дарит свежесть надежд и спокойствие, тем, кто ищет души наслаждения и для разума мысль безмятежную. И вода то в ней не холодная, как в проруби, не горячая, как бывает на гейзерах, а такая, как летнее озеро, в жаркий день, когда небо безоблачно.

А в прозрачных её водицах светлых, рыбы разной, чудной, залюбуешься! Салманконды там с той рыбой играют, и от радости стрекочут бекасами, гнезда выют, прямо у самого берега, в них выводят потомство и старятся. Что за зверь Салманконда, вы спросите, да гигантские то саламандрихи, крокодиловы тела исполинские, сверху шёрсткой покрыты, снизу щетинками, ну а прыть у них змии анакондовой, сами с круглою мордой, кружевными же ушками, ну а нрав у них щенячий, играющий и звучат они разными птицами.

Очень любят их водные девицы, приручают их и заботят-

ся, и поют им протяжные песенки, перед сном же всегда колыбельную. Днём же водные девицы, оседлав Салманкондовы спинушки, по волнам светлых водиц катаются, и смеются, журчат переливчато.

В полнолуние-сирень, в полночь, под звездами, водны девицы земными становятся, лишь до зорьки, до первого лучика им отпущено время свидания. Дарымой нареченные им суженные, так же облик меняют под звездами. Из могучих, полевых побратимушек, что пасут носорогов мохнатых и мамонтов, из кентавров, что славятся удалью, в добрых молодцев они обращаются и бегут в заповедные рощицы, где их ждут уж подруги сердечные.

Там кострище собирают из хвороста, да с коры стародубицы лиственной, что лечебными свойствами славиться, ну а дым из нее прорицательный, в нем увидеть грядущее может-ся. Для подруг же своих ненаглядушек, собирают смолу первохоицы, чтоб ялтырь получить чудодейственный. Окунув ту смолу в светлы водицы, накатают из неё разных бусинок, в каждой малька своя неповторная, что с любовью собрана с вечера. Так в одной такой бусинке белая лилия, а в другой брусничка и листики, марьямши-ли цветочки иль бутончики лютика и другие малютки растения, все, что любо сердцу их девицам. Проколов их иглой осторозубихи и на нитку из волоса мамонта, нанизают те бусинки с мальками, да сплетут потом с них ожерелье, что подарят потом своей суженой.

Ну а девицы для своих добрых молодцов заплетут кушаки

с разнотравия, с наговором защитой, как оберег. Да кулонов наделают с лунных ягодок, что падут в Дарыму в полнолуние. А потом, обменявшись подарками, заведут хороводы да песенки, а напевшись, встречу отпраздновав, соберутся к кострищу для таинства. С хмельных трав, плодов марьямши и багульника, в нючерках, в котелочках наварят душистой дурманицы, да покормят огонь, он им дедушка, что бы он охранял их до следующих, полнолунных встреч, да под звездами. Ну а там, до утра разбредаются парами, для души разговоров и милости.

Поутру в розолуние, вновь к костру собираются, да напойт слезами огонь-дедушку, чтобы в следующую ночь полнолунную свидеться с любым сердцу, добрыми молодцами. Обнимать, целовать на прощание, станут девицы своих милых суженных, пока лучики солнца не выглянут, ведь потом они, обернувшись трёхразово, унесутся кентаврами в полюшко, ну а девицы, нырнут в светлы водицы, рыб пасти, дожидать полнолуния.

Вот уж стихли водных девиц прощания, и уж дым от кострища не стелиться, луна следующая, ясная меж сопот покажется и окрасит все розовым заревом. И в тот час, к водопою там тигра дарымская, после трапезы тихо прошествует, а напившись и смыв с лап багряницу, в хвою стлаников опавшую, мурлыкать уляжется. Задремлет, улыбочато сощуриться, лапки сложит игрушкою плюшевой, заурчит, как кошка домовая, только ушками водит, да слушает.

Застрекочет кузнечик зелёный, затрещат короеды да буслики, шишки стланика кедровка залузгает и с евражкой поделится ядрышком. А евражка набрав обе щёчины, как вскричит и под землю в кладовочки, там все ядрышки, вынуд, да в кученьки, то запасики сделаны всё-таки. Часть запасиков в акведуки просыпаться, где цветут грибницы подземные и живут горбуны белопалые, в городищах колонн сталактитовых, с алунитами, базальтами чёрными, золотыми дворцами с хрустальными люстрами, со ступенями из яшмы, из агата перилами, аметистовым убранством и посудой серебряной. От дворца до дворца, под земелюшкой, пролегают туннели, да лазики, для защиты от гостя непрошена, да от кебрей, что здесь с незапамятства, а туннели то, аж до самого Чёрного Морюшка и там дальше до самой Евангелии, вплоть до самого дальнего берега.

Наверху же, за морошкой, брусникой, смородиной прилетят птицы-женщины Накии. Пухлощекие с ясными глазами, носопырки курносые, губки тюльпанами, сами словно, как сдобные булочки, да все в дохи одетые, что цветастым узором украшены, да все в шапочках с самоцветными яхонтами, из под них же две косы, до пяточек, на ногах же цветные торбазики, что расшиты стеклярусом, бисером. Не тревожа тигру дарымскую, куропатками квохчат над ягодой. Всю морошку, бруснику в кубышечки, а смородину так, словно семечки, да напившись шикшою досыта, затрепещут ладошками-крыльями, взмоют в небо и грузно пор-

хая, устремятся к золатым нивам, поля словесности, там глаголы копать, междометия.

Пролетая над нивами золатыми, где у каждого поля по идо-лу Матери, не спешат приземляться птицы Накии, выбира-рая места по бурьянистей, чтоб трава-словеса колосились, да чтоб грифоны там не копались, не намяли тех трав, не нага-дили, да проверить не прячется ящер где, что бывает на На-кий охотится.

Убедившись, что поле свободное, сделав в воздухе круг, неспешно опустятся. Покричав друг на друга для верности, птицы Накии за травушку примутся, да покосят серпом, по-сле в стог складут. Дальше будут корни выпалявать, да ис-кать там слова-предложения, как найдут, токовать, да при-плясывать:

- Вот, нашла я абзац!

- А, я фразочку! - и захлопают крыльями-ладушками.

Среди них есть три главных старейшины, три сестры и зо-вут их Тотьяша, Тутьяша и Тория. Словно с идола матери слеплены, да без кос, выше прочих и взоры прищурены. Нет, не злые они, просто мудрые и слова собирают в истории.

После скоса травы птицы Накии, у стогов соберутся для трапезы, подостанут кубышки, что с ягодой, да начнут по-едать, разговаривать. А Тотьяша, Тутьяша и Тория, запря-гутся в плуг и по полюшку. Тянут, тяжело вздыхая, чуть сгор-бившись, нелегко им так глубокая мысль добывается. Но за-то как найдут, что искалось, плуг откинут, затокуют и в пляс,

да вприсядочку.

Так Тотьяшка токует:

- Тоть, тоть, тоть.

А Тутьяшка вторит ей:

- Туть, туть, туть.

А за ними и Тория:

- Торь, торь, торь, - и ладошками трепещут у пояса. Ведь на поясе фляжки, там настой из смородины, для приятных событий и радостей.

Но однажды, на поле словесности, среди трав вдруг корзина, как здесь росла, а в ней свёрток лежит, в нём, кто шевелиться. Попритихли тогда птицы Накии, и в лице как будто осунулись, засверкали глазами испуганно, завертели головками в шапочках и стоят столбом, будто вкопаны. Тут же к ним подлетели старейшины, посмотреть, почему не колышутся и травинки не косят:

- В чём дело то?

Увидав от чего онемение, осторожно к корзинке шажочками, и в молчанье, только ветер над нивами. Отвернули краешек свёрточка, а оттуда так звонко:

- Оммм-мааау...

Птицы в стороны, но не дрогнули Тотьяша, Тутьяша и Тория, а напротив ещё больше склонились, и давай ворковать тремя квочками:

- Кворк, кворк, тоть, тоть. То-то курвы замолкли, спужались! Вы не Накии, вы попугаихи! - грозно молвит с ухмыл-

кой Тотьяшенька, но как только к корзинке её взор опускается, сразу мягкой становится, ласковой и не злобно так:

- Тоть, тоть, вот-же дурочки! Кворк, кворк, тут же котики!

- Кворк, кворк, туть, туть. Да тут котеньки! Аль нэвийка чудная, забыла что-ль? А сама где? Туть, туть, не ящер ли часом съел? Иль подбросил злодей? Нам на радости, кворк, кворк! Странно всё. Очень загадочно, - озадачено шёпотом вторит Тутьяшенька, окуляры, поправляя для ясности.

- Кворк, кворк, торь, торь- вот дела-то, вот случай торь-история! Кворк, кворк - мы нашли, а не ящер, торь-виктория! Кворк, кворк-как поступим то сёстры? Торь, торь, токи-тория, - улыбаясь, вопрошает старшая Тория, а подумав, даёт остальным указание:

- Эй, трусихи, торь, торь, облетите селения, да скажите, на девятом поле словесности, кворк, кворк, обнаружились котики с золота, ищем мамку хозяйку или папеньку, кто забыл? Торь, торь, что за люди то? Позабыть своих котиков, кворк, кворк... Хм. Ситуация! А мы с Тотьей и Тутьешкой слетаем в столицу к хозяйшкам, да узнаем авось, кто-то с города, был на поле, торь, торь. Эх, непрошеность!

Закудахтали птицы, затокали, потянулись за фляжками, к поясу. Да заметив Тотьянушкин грозный взор, поспешили вспорхнуть, да в разные стороны, по округе искать потерявшего. А старейшины всё умиляются и агукают, смеются они, удивляются:

- Что, за дивные ягодки в травушке маются? Кворк, кворк,

что за солнышко с месяцем тут мурлык-улыбаются? Тотъ, тотъ.

- Ой, откель же нам счастье такое, да радости! Кворк, кворк. Кто, зачем, почему, али к гадости? Тутъ, тутъ.

- Ай, лю-ли, торъ, торъ, токи-тория! Вот же малый секрет! Торъ-история!

А котятки глядишь, улыбаются и тепло так мурлыкают, омкают, да мяучат от птиц воркования, корчат мордахи, стало быть, Накии нравятся

Тут, вдруг небо разрезала молния, громыхнуло не громко, и гул прошёл. Ни дождинки не выпало, тихо так, лишь за полем в пролеске свечение, там где горка и озеро с кочками. Подобрал корзинку с котятами, молча Тория, на свет пробирается, а за ней по пятам Тотъешка с Тутъешкой, да из фляжек хлебают для храбрости. Добредя до тропинки в конце полюшка, поклонившись идолу Матери, замирая тревожно три Накии, подбоченясь на горку взбираются. А свечение, хоть день, словно зарево, словно солнце второе, да в озере. Поначалу все красным, как огненным, после жёлтым на убыль, огарочком. Напоследок сверкнув ярким всполохом, бледным маревом ромб обозначился. Словно айсберг, по средь озера белою льдиною, а вокруг его травы примятые, и деревья дугою по берегу.

Не звенит комар, овод не жужжит, тишина вокруг, воздух не дрожит, словно дух дарымский весь поистратился, и живое всё здесь повымерло. Постояв в тиши, птицы Накии, по-

смотрев на то, что так грохнуло, молча ввысь, ушли и до города, там решать, как быть и что делать-то... что делать-то... делать то... то... то...

Кэш, выдернул Стёпа, из чарующей, котовой дрёмы, толкнув того, в плечо. Проморгавшись, Стёп увидел, что в их сторону, довольно быстрым шагом, двигается старый дядюшка их приятеля Ваньки, Валерий Михайлович.

- Ребята, приветствую! Извиняюсь, если заставил долго ждать, - запыхавшись, поприветствовал друзей Валерий Михайлович, почти не взглянув на них, устремился напрямик к рыбе, где принялся охоть, вздыхать и хвататься то за голову, то за сердце.

Следом за ним мимо Кэша и Стёпа продефилировала незнакомая им брюнетка, в элегантном возрасте, чуть за сорок, на вид хорошо сложенная, ухоженная дама на высоком каблуке, всем своим видом показывающая благосостояние и благородную статью. Как и Валерий Михайлович незнакомка принялась ходить вокруг рыбы, при этом, не отрывая руку с телефоном от уха, что-то утвердительно в него шепча.

- Стёпа, Инокентий, знакомьтесь, это Марка Геральдьевна Сабонгуй. Владелица театра на колёсах. Прошу прощения, странствующего театра двойников и пародий. А так же добровольный меценат наук и мой хороший друг. Прошу любить и жаловать, - затараторил Валерий Михайлович.

- Приятно познакомится, - поздоровались ребята.

- Ой, мальчики, а это что? Можно я взгляну, - взволновано

спросила Марка Геральдьевна, указывая на золотого котика, свисающего на кабеле из кармана Кэша.

Кэш утвердительно кивнул, передал котика Марке Геральдьевне, добавив рассказ о том, что этот котик вытворяет, если надеть его ушки наушники. Марка Геральдьевна заворожёно разглядывала статуэтку, а потом без обиняков предложила выкупить её у Кэша. Кэш недолго раздумывая, согласился, услышав предложенную сумму.

После, решив вопросы с вознаграждением за найденную рыбу, которое приятно удивило и порадовало Стэпа и Кэша, четвёрка новых и старых знакомых вдоволь пофотографировали рыбу гиганта, отдельно и вместе с ним. Да ещё час прождали помощников Марки Геральдьевны, которые появились сразу с двух сторон, одни приплыли на катере, взяв на буксир большую рыбу, помогли ей сняться с мели и уйти обратно в глубины залива. А другие приехали по земле на двух грузовиках, ловко поймали семерых самых красивых и здоровых на вид рыббин, погрузили их в несколько ванн, в которые предварительно набрали воды из залива.

Из разговора с Валерием Михайловичем, друзья узнали, что он работает сейчас у Марки Сабонгуй. В её зверинце чудесных животных при странствующем театре. Что рыба, которую обнаружили Кэш и Стэп, это древнейшее, чудом выжившее ископаемое. И теперь Валерий Михайлович с удовольствием будет изучать отловленные молодые экземпляры. На вопрос, почему Михалыч с такой лёгкостью дал боль-

шой рыбе вернуться обратно во тьму глубин, слышали:

- Как учёный, я конечно-же хотел бы оставить именно больший экземпляр, но как человек всё-таки разумный, гуманного склада, решил не мучить, видно изрядно пожившее существо. А взять семь экземпляров растущих и быть может, надеюсь, успею посмотреть, как они вырастут. По изучать их повадки и так далее. Вы ребята, только ни кому не слово о гиганте из залива, всё равно не поверят, а если поверят, пойдут разговоры, а там и охоту-рыбалку начнут. Пусть старина Гетеростеус, а я думаю, что это именно он, доживёт спокойно отпущенное ему время.

Заверив Михалыча, что будут молчать, хранить секрет залива, поблагодарив друг друга, друзья распрощались. Валерий Михалович отправился изучать рыб, в лабораторию при зверинце, в театре Марки Геральдьевны, а Кэш и Стэп поехали решать вопрос аренды и на поиски кольца для Жени.

Глава 3 Людо- людоедка и тайный ключ

Людо проснулась внезапно, как и бывало прежде в конце лета. Землянку-берлогу, в которой она обитала, в глубине тёмного, мрачного леса, что раскинулся у границ деревни Новое Девяткино, за те года, что она провела в спячке, занесло землёй, вход над поверхностью успел зарости кустарником и переплестись корнями деревьев так, что Людо понадобилось немало сил и времени, чтобы выбраться наружу.

А на земле до этого она бывала давненько. Последний пяток мужиков, что она отловила и употребила, был промаринован точно не спиртом, хотя на вид они были пьяны и лыка не вязали. Дурман в плешивой голове Людо, после этого пиршества сморил её в сон, на не один десяток лет и сейчас она проснулась до жути голодной, готовой прямо с ходу отправиться на охоту.

Привычные звуки леса, к которым она привыкла за долгое, многовековое своё существование здесь, исчезли. Вместо них Людо слышала, противные её слуху шумы, то ли механического, то ли технического толка. К тому же людской смех, крики и голоса, которые Людо слышала обычно только за заборами деревенских домов, у которых охотилась, разносились эхом, рядом, близко у озера. Странно это всё, ду-

мала Людо. Не уж-то перестали бояться её, позабыли, пока она спала. Страх совсем потеряли. Негоже это. Не по-людски. Толи дело раньше, проснется, бывало Людо, а у берлоги, гостинцы от баб деревенских лежат. Наряд, какой, ни какой принесут, лаптей новых навяжут, знали, что босая проснётся, а о ней глядишь уже позаботились. В корзину с разошедшейся лозой, старых платков в ярких заплатках, кушаков молю побитых, все, что не жалко, можно носить, обитая в берлоге, покладут, чтоб плеш головная не мёрзла, чтоб Людо одевшись, обувшись, да в платки, замотавшись, спокойно по их просьбе сработала. Да чтоб знала, с какого дома пропойцу брать, его рваный носок, не постиранный обязательно сверху приложат. Чтоб, учуяла правильно, и какого, другого мужика, что вернулся с весёлого праздника, с именин, со свадьбы, со службы далёкой, не трогала, а только запойного, буйного, что спокойной жизни ни кому не даёт, всю деревню который измучил попойкой своей. Кулаками орудует, вот его забирает пусть Людо, не жалко и народ честной на неё опосля не охотится, а лишь ласковым словом поминает, благодарствует, да украдкой, тихонько побаивается.

По тропе к деревне, своим охотничьим угожьям Людо повстречала Ступку Бабу, которую до этого давненько не видела, да не одну, а с каким-то парнягой. Молодой ещё, четверть вековой свежестью пахнет, ещё мужает, матереет не скоро, совсем не вкусный, не интересный, любовью хранимый, сердобольной девицей обласканный. Ей бы, Людо, по-

старше мужичёнку повстречать, по заскорузлей чтоб, спиртом чтоб напитой был, с терпковатой кислинкой, ароматной горчинкой, чтоб волос лежалдохлым хонуриком, чтоб щетинка старой наждачкой тёрлась, кожа грубой прожилкой топорщилась, вот другое дело тогда. Чтобы смог побороться, отбивался бы чтоб, хрипло горланил, пока на плече несёт. Аппетита, чтоб по более нагнал, чтоб Людо до спячки насытилась. Вот его бы родного отловить, да лесными грибками и мхом закусить опосля, берёзовым соком запить в своё удовольствие.

В животе у Людо бурчало от предвкушения. Внезапно лесная тропинка оборвалась и Людо вышла на ровную площадку. На ней предметы какие-то ярко раскрашенные, по квадрату площадки лавки, на них бабки, да мамки гурьбою сидят. А за ними дом.

Мать честная! Людо таких домов ни в жизни не видывала. Окон в нём, чуть не до неба. Муравейник квадратный углами и машины, машины кругом. Как же Людо их люто ненавидела. Как-то, давно это было, такая одна её по лесной тропе переехала. Грибника тогда Людо из-за этого из лап упустила, с тех пор машин недолюбливала.

Людо принялась хрипло подвывать от неприятных воспоминаний, но резко замолкла, из-за угла дома показался видавший виды мужчина её аппетитной мечты. Спотыкаясь, роняя на землю то ключи, то авоську с бутылками, огородным пугалом на расшатанном шесте в ветреный день, рас-

качиваясь из стороны в сторону, спиной опираясь, время от времени о стену дома, шёл праздник Людоного непотребства. В брюхе у Людо забурчало цунами, забурлило высокой нотой, давно не ощущавшее пищи нутро. Мясистые пальцы лапищ заходили жуткими пауками по воздуху. Секунда и Людо сорвалась с места, резвым, косолапым горбункулом семени, поспешила на встречу с долгожданной трапезой. Бабульки и матушки запричитали ей в след, закивали в ужасе головами, сокрушённо заохали, детишек попрятали. Но Людо обычно скрывающаяся от людских глаз, неслась не жалея босых ног, не слыша и не видя ни чего вокруг. Главное было догнать вожаемую добычу. Главное поближе к нему подступится, а там глядишь, и насытитесь, исполнить свою не великую миссию.

Только Людо добежала до мужика, как тот ввалился, в открытую магнитным ключом дверь, в парадную. Там будто собираясь взлететь, разогнался от силы падения, удержался, но всё равно продолжил наклон и почти мгновенно избежал по лестнице к тамбуру с лифтами. Поочередно моргая залитыми дурманом глазами, нажал на кнопку вызова. Людо облизывая, наполненную густыми слюнями голода пасть, примостилась прямо за ним, было, бросилась на него, но её спугнули раскарывшиеся створки лифта. Мужик сразу же впал в его гостеприимное нутро. Людо хоть и по началу струхнула, но гонимая позывами кровожадной натуры, зашла следом. Створки захлопнулись.

Мужик не обратил внимания на Людо, даже скорее не заметил, но в какой-то момент встретился с ней блуждающим взглядом:

- Опочки! Хорошо поднимаемся, - расплылся в довольной улыбке, пытаясь не ронять голову на грудь, добавил, хриплым басом, - ты кто? Мужик или дама, извини, разглядеть не могу. Зрение на минус, ага. Слышишь, ау, ку-ку, - не удержав головы, свесил её, при этом ноги у него подогнулись, и он снова уронил ключи.

- Охуэррр, ткхэррр, пхэррр, - прохрипела Людо в ответ, роняя густую слюну на пол лифта.

- Чего? Ты не русский человек что ли. Хвэр, ткхер, тьфу, чтоб тебя, белиберду какую-то несёшь... Ах, ё, - выругался мужик, поднимая ключи с пола, но потерял равновесие и тут, же налетел прямоком на Людо.

- Опочки! Всё-таки дама, - обрадовался мужик, опираясь на грудь Людо, пытаясь принять вертикальное положение. От чего крупный фурункул на груди у Людо лопнул, брызнув вязкой, кашистой сукровицей.

- Слушай, а хочешь, ко мне в гости пойдём? Тебя как звать?- зарделся мужик, всё ещё опираясь на Людо, раскачивая головой из стороны в сторону, ромашкой на луговом просторе.

- Люуоуу-дооу, ткхэер, кхвэр, - хрипло протянула Людо, облизав слюнявую пасть.

- Людка значит, приятно познакомится, - обрадовался му-

жик, перекатывая с плеча на плечо голову, пытаюсь сфокусировать взгляд, - А меня вот Виталий зовут, я художник. Тут такая история Люд, понимаешь, дед любимый почил недавно, вот квартирку оставил. Штудию. Тьфу. Студию то есть. Пойдём, а? У меня там и компания добрая собралась. Поговорим, деда помянем, культурно пообщаемся.

- Эткхиеер, пхээр, - ответила Людо, раскрывая широко пасть, глаза закатились, при этом, правая лысая бровь у неё запульсировала, кожа не выдержав давления, прорвалась, выпуская наружу склизкое щупальце, затаившегося в недрах её головы таинственное, явно омерзительное создание. Щупальце, покрутившись кольцами на лбу у Людо, отцепило присоски и, сворачиваясь пружинками в воздухе, потянулось в сторону мужика. - Ткхьер, пфиер, ткхер, - забулькала, захрипела горлом Людо.

- Понял. Вопрос снят. Чё сразу обзывать, - обиделся Виталик, но договорить не успел, створки лифта открылись.

Виталия накренился, почти бегом выпал из лифта, там миллиардным шаром, собирая стенки, вкатился в общий коридор и ни разу ни упав, добежал в его конец, где роняя ключи, принялся пытаться открыть дверь своей студии. Наконец с четвёртой попытки ему это удалось. Вздохнув облегченно, Виталия выругался и впал в квартиру. Следом за ним мрачной Моррой вошла Людо. Дверь затворилась. В замочной скважине заскрежетал ключ.

- Да взяла я ключ мам, не переживай. Мам, ну хватит. Пе-

рестань. Да нет там ни какой другой женщины, я абсолютно уверена. Папа бы не стал. Да не лежат они там, в джакузи шампанского. Не выдумывай, пожалуйста. Я тебя умоляю. Ты слишком много смотришь, всякой этой сериальной, мелодрамной чепухи. Он же любит тебя, ты сама это знаешь. Не любил бы, давно бы ушёл. Что, почему? А, да потому что мам, тебя только любящий человек вытерпеть может. Ой, ну ладно обижаться, ты сама себя прекрасно знаешь, я тут нового тебе ни чего не открыла. Ладно, мам, я на месте. Как найду папу, позвоню. Сама не звони, некрасиво получится. Мам, всё. Вешаю трубку.

Лада в сердцах хлопнула дверью машины. Только собралась пойти к дому, как увидела Кэша, парня её старинной подруги детства Женьки. Классные ребята и вроде не один год встречаются. Перекинувшись парой фраз с Кэшем, пообещав прийти к ним на новоселье и передав привет подруге, Лада направилась к дому.

Ох, мама, мама! Как на придумает вечно, а ей Ладе разбираться. Ну а кому ещё, единственная дочь, да и не могла она папу оставить, не поддержать, когда мама вновь себе, какую-то чепуху про измены надумала. Ключ этот нашла, у папы в кармане. Это же надо, даже слепок сделала и копию. Детектива наняла, чтоб проследил, куда папа в последний раз ездил. А теперь заставила на это место Ладу поехать. Сама трусила, как обычно. Начнёт бучу, а заканчивать Ладе.

- Ладно, что делать. Папа, молю тебя, пусть там будет

квартира для покера или пивной заводик. Хотя нет, ты не любишь карты и пиво не пьёшь. Что же там может быть? - угрюмо размышляла Лада подходя к парадной.

Не успев даже подумать, как войти в дом без магнитки, дверь перед Ладой отворилась.

- Чудеса. Хорошо. Что там дальше будет? Пусть будет добрая сказка. Ну, пожалуйста, и пусть поскорее закончится, - взмолилась Лада, вступая в тёмную парадную.

Поднявшись на нужный этаж, Лада крадучись, стараясь не цокать, не бряцать каблуками подобралась к квартире, номер которой у неё был записан на бумажке. На мгновение застыла, решая, сразу открыть ключом дверь, быть внезапной или всё-таки предупредительно позвонить в звонок, мало ли что там происходит. Лада решила для начала послушать через дверь, прислонилась к ней, но ничего не услышала, и было из-за чего. В соседней квартире напротив, творилось что-то невообразимое, какой-то мужик громко хрипел, но слов было не разобрать, по интонации явно ругался, по грохоту понятно было, падала мебель и слышались звуки борьбы. Стоял такой тадам-тарарам, что услышать хоть какой-то другой звук, было практически невозможно.

- Маргиналы, - подумала Лада и, закрыв глаза, нажала на кнопку звонка.

Ни какой реакции. Позвонила ещё раз и ещё. Бесполезно, к двери никто не подходил. Лада не стала больше ждать, вставила ключ в дверную скважину, пару раз повернула,

толкнула дверь, вошла.

Лада поразилась стерильной, кристальной чистоте вокруг. Всё что внутри находилось, сверкало холодным, стальным блеском, в воздухе стоял запах приёмной стоматологии. Лада прошла по комнатам, их было всего две. Первая комната, она же прихожая аскетично обставлена. Сложенный, пустой диван, даже без подушки. Столик, на котором лежали перевернутые фотографии, напротив высокий зеркальный шкаф-купе, пара стульев. В другой стоял странный громоздкий аппарат, который зашумел, забулькал, как только Лада заглянула в комнату. На этом всё, ни ванны, ни кухни, ни туалета. Две полупустые комнатухи и ничего больше.

- Странное местечко, - подумала Лада.

Подошла к шкафу купе, открыла его, там, на вешалке висел кожаный, мужской плащ и рядом на крючке длиннополая шуба. Зазвонил телефон, это была мама.

- Мам, ну я же просила не звонить. Нет, папы здесь нет. И знаешь, какая-то это странная квартира. Пустая почти... Из мебели диван, столик и шкаф. Внутри кожаный плащ и шуба до пола, вроде соболь. Мам ты меня слушаешь. Мам? Ты что плачешь? Это из-за шубы? У тебя же таких не одна. Да зачем тебе до пола, для этого рост нужен. Не знаю я, какого она роста. Может эта шуба папина. Мам, тебе интересно про квартиру послушать? Нет, не интересно? Да не вру я, тут никого нет. Я одна здесь. Мам? - связь оборвалась.

Лада сжав губы, положила телефон в карман брюк. Подо-

шла к столику взяла фотографии. В ту же минуту, как только Лада перевернула их и посмотрела, к вискам прилила кровь и застучала крошечными барабанчиками, дыхание участилось, вот-вот случится паническая атака. Рот Лады открылся в немом крике.

С фотографий на неё смотрел папа, да не один, а человек восемь похожих друг на друга её пап. Все фотографии были групповыми. Тут был и хмурый тип, смотрящий сурово, как бы заранее осуждая, рядом с ним притулился щёголь с лучезарной улыбкой в светло бежевом костюмчике, расстёгнутой до груди рубашке, на шее толстая золотая цепь. Был тут и ряженный, в кричащем рыжем парике, с пунцовой помадой на губах, на плечи небрежно накинута шуба, с ним под руку тихий на вид, сутулый работник, точно не начальник, за ними рисовался спортивного вида, весь сам из себя мачо мэн. Остальные персонажи слились для Лады в единое цветное пятно. И тут она, глубоко вздохнув, закричала. Её чуть не вывернуло, так потрясли фотографии. Было видно, что это не ретушь и главное она сразу узнала отца, он стоял чуть поодаль и смотрел на своих клонов с опаской. От этого-то, от его взгляда Лада и закричала. Почувствовала его испуг на себе.

Как в бреду Лада, выронила фото из рук и, перепутав двери, вместо выхода вошла в комнату со странным аппаратом. Тот сразу, как будто ожил, затарахтел, а в плечо Лады воткнулась игла. Лада вскрикнула, успев разглядеть, как в сте-

ну за ней встроилась механическая рука с длинной, острой иглой вместо кисти и пальцев. В ту же секунду из аппарата вытянулся кран, с кончика которого стал надуваться пузырь. Тонкий, почти прозрачный, с каждой секундой пузырь увеличивался, меняя цвет и форму. Не прошло и минуты, как он видоизменился, являя на Ладин взор, такую же, как она девушку. До волоска на голове, до кончика ногтя на руке, до сантиметра роста, это была Лада. При чём уже одетая и обутая. Всё было идентично, исключая повадки и поведение. Новая Лада принялась скакать по комнате, будто малое дитя, а потом и вовсе с криком набросилась на настоящую Ладу, пребольно щепаясь и щекоча. Пока они боролись, странная махина сотворила ещё одну Ладу, за ней другую и вот в комнате их уже больше пяти.

Лада кое-как вырвавшись из объятий первого клона. Пнув её со всей силы, выскочила из жуткой комнаты, с грохотом захлопнула дверь. Судорожно соображая, что делать дальше, подтащила диван, к двери аппаратной. С той стороны двери принялись стучать, Лада не дожидаясь, что произойдёт дальше выбежала из странной квартиры, поскользнулась на какой-то гадости, похожей на рвоту и с разбега влетела в открывшуюся квартиру напротив.

Влепившись там, в стенку шкафа, придя в себя, обвела взглядом небольшое помещение. Всё здесь было перевернуто верх дном и усыпано битым стеклом, в воздухе повисло удушающее зловоние, разлитого спиртного. Но не это ужас-

нуло Ладу, а тела папиных клонов, валяющихся на полу в неестественных позах и жуткая бабища, борющаяся с одним из них. Глубоко вздохнув, Лада, выпустила на волю такой крик, что борющиеся на полу тут же притихли и замерли, уставившись на неё вопросительным взглядом. Дверки шкафа раскрылись. Оттуда, стремглав выскочил, побелевший от страха, её папа. Ни слова не говоря, он, схватил её за руку и волоком потащил в коридор, откуда побежал, вместе с ней в сторону чёрной лестницы. За ними из жуткой квартиры вышел хромая папин клон, волоча за собой не естественно вывернутую ногу, клон устремился за ними в погоню. Следом ползком показался ещё один. Дальше Лада не видела, так как они с папой забежали на чёрную лестницу, пробежав пару пролетов, помчались к лифтам и только на улице, добравшись до машины Лады, наконец, расцепили руки. Отдышавшись, обнялись. Лада вопросительно уставилась на отца. Не успев ей ответить, папа округлил глаза. В парадную, из которой они только что выскочили, входила его жена, Ладина мать.

Не сговариваясь, они побежали следом за ней. Опоздав на какое-то мгновение, увидели, что лифт уже увёз дорогую им женщину. Следующий лифт всё ни как не хотел спускаться. Казалось, вечность прошла, пока он, наконец, добрался до них. Поднявшись до нужного этажа, папа и Лада, с опаской оглядываясь, вошли в пустой, звенящий тишиной коридор. Папиных клонов и жуткой бабищи не было видно. Стены

и двери вокруг, куда ни посмотри, были заляпаны какой-то мерзостью, пахло средством для очистки труб.

Открыв дверь квартиры со странным аппаратом, первое, что они увидели, это маму в окружении двух её близнецов. Все три женщины сидели нога на ногу на диване, на маминых плечах накинута шуба из шкафа. Было понятно, мама вошла в контакт и, похоже, успела заключить некий союз с близнецами. Всем своим видом женщины источали гармонию и о чём-то шептались, довольно похихатывая. Особенно звонко заливалась Ладина мама.

Ни говоря, ни слова Лада с отцом подскочили к матери, схватили с обеих сторон за руки и помчались со всех ног к лифту. А оставшиеся в квартире мамины клоны, запоздало соскочив с дивана, подняв к потолку руки, хотели было закричать им вслед, вдруг с треском лопнули, обляпав комнату ошмётками с противным запахом бытового очистителя.

А там внизу от дома, уже отъезжала машина Лады, увозя её и родителей от странной квартиры подальше.

- Пап, что это было? - испуганным голосом, почти кричала Лада.

- Зачем вы меня увели? Заговорщики! - плаксиво причитала её мама, - Только я нашла наконец-то хороших людей, которые меня понимают, как вы всё испортили. И шубу там оставила, из-за вас, которую эти добрые люди мне подарили. За что вы меня так не любите? За что мне всё это, - корчила плаксивую гримасу мама, гуру трагедии, мастер драматиче-

ских этюдов, артистка театра мелодрамы.

- Дома поговорим, - тяжело дыша, ответил на оба вопроса отец и выбросил в окно машины проклятый ключ, который нашёл и зачем-то поднял с земли, пару дней назад. Ключ, который магнитом притянул его в этот кошмарный дом. Заставил против его воли, приехать сюда на такси. Напугал его дочь и жена еще, наверное, неделю будет причитать, так ничего толком и не поняв. Да и сам он вряд ли мог объяснить, что там произошло. – Всё. Ни каких больше мечт, о не ведомом. Ни каких желаний об открытии секретов и поисков неизвестного. Этого было достаточно. На этом всё, - решил для себя отец Лады, при этом прикидывая, во что ему станет новая шуба мечты для жены и хватит ли на поездку, куда она там хотела:

- Лада, дочка, поехали в Снежную Королеву, раз мама хочет шубу, пусть её и получит, - попытался сменить нервирующую его тему отец.

- Тогда и сапоги, и сумку, - капризно подключилась к его предложению мама.

- Хорошо. И сапоги, и сумку, - милостиво согласился отец.

- Мам, а можно я тебе на выходные детей завезу? Женька со своим парнем на новоселье приглашают, - сложила губы трубочкой Лада, сочинив бровями умоляющий вид.

- Шёлковый платок и брошка, - моментально сориентировалась мама, - Такие, которые я захочу. И которые сама выберу, - поджав губы, поставив, таким образом, точку, пока-

зывая тем самым, что за ней остается последнее слово и переговоров за этим не последует.

- Хорошо мамуль! Ты самая лучшая на свете! - Лада послала матери воздушный поцелуй.

Ключ же, как только машина скрылась из виду, поднялся с земли, будто чьей-то незримой рукой, набрав скорости, взлетел, устремился обратно к дому и, пробив стекло окна чёрной лестницы, этажом ниже, где была странная квартира, полетел, не касаясь ступеней к дверям. По пути насквозь пробив грудь спускающейся вниз Людо, нёсшую на руках Виталика. Людо охнула, хрипнула, присела на ступени. Усадив Виталию на колени, положив его голову себе на плечо, присосалась к его шее.

Ключь достигнув цели, плавно, как в воду, вошёл в дверь, а стена, на которой она находилась, блеснув зеркальной гладью, вдруг отразила квартиру напротив и действительно обернулась прямоугольным от пола до потолка зеркалом. Задрожало, заколыхалось, оторвавшись от стены, поплыло, тихонько позвякивая по общему коридору и там застыв на мгновение, стремительно вылетело на улицу, при этом вдребезги разбив окно.

Поднявшись над домом, прорезало своими гранями облака, понеслось ввысь, напугав по пути ковен из трёх домохозяек, практикующих белую магию в свободное от забот время, пылесосающих в этот момент одну из собирающихся туч.

- Это, что, ещё за дрянь? - скривила бровь самая старшая,

пожилого вида дама, сидящая на стареньком Спутнике, продолжая втягивать в него отрицательные заряды для будущего чародейства.

- Ай! Сейчас какой только ерунды не летает. НЛО может какое, а может наши военные новое оружие испробуют, - ответила расплывчато та, что по виду напоминала многодетную мать.

- Да, какая разница, нас не задело и ладно. Вы лучше скажите, когда мы точно в следующий раз собираемся. А то я в Питер хочу слетать, там новый клуб открылся, хочу посмотреть, потанцевать и может закрутить роман на выходные, - беззаботно защебетала самая молодая, кружась балериной на роботе-пылесосе.

- Тебе бы все хвостом крутить. Давай доведём начатое до конца, а потом и погуляешь. Людо-то призвали, от сна пробудили, надо проследить, чтоб она завершила своё дело, - укорила молодую старушка.

- Ну, надо, так надо, - успокоила её девушка.

Людо сидя на ступеньках чёрной лестницы, с печальным всхлипом втягивала в себя боль и обиды Виталика, до капли вытягивая из его организма алкогольную хворь. Виталий на её руках начал розоветь, да и сама Людо начала меняться. Зачем-то вспомнила Ступку Бабу, - Обзывается, людоедкой называет, - а Людо ведь и мясо то совсем не ела. Ни какого, - Ай, пустое, пускай злословит, на здоровье, - подумала Людо и вдруг начала вспоминать.

Вот, она ещё совсем молодая. Мать в ту пору устав от одиночества, привела в дом мужика. А тот оказался любителем выпить и рукам волю дать, да делал это настолько часто, да что там, Люда другим его и не знала. Однажды пришла домой с озера, где пряталась от вечных скандалов, а он мать как обычно гоняет. Младшие позабились по углам, рыдают в полголоса. Не стерпела в этот раз Люда, схватила ухват и огрела мужика, что есть мочи. Да так сильно, что он навзничь упал. А мать на неё с кулаками, Люда снова на озеро, там слезами умываясь, попросила защиты у неба, у леса просила спасения. Говорила, что готова, не только злодейского отчима, но и всех мужиков успокоить, усмирить в них горькую жажду. Лишь бы ей, кто помог, дал ей сил и воли ей в этом стремлении. Хоть на двести лет, готова, на это жизнь свою положить. Чего ей терять, всё итак уж потеряно. Услыхала её просьбы сила неведомая. В отражении озера, с зеркального отражения неба всключного пасмурного вместе с дождём послала помощника, сил Людмиле придал, чтобы и помог ей с её миссией справиться. Выполз он из вод того озера и на иву заполз, где под ней в тот момент, от дождя Люда спряталась. С ивы, что над Людой склонилась у берега жалобно, с веток мокрых на шею девушки прыгнуло что-то склизко холодное. Обхватило присосками щупалец, вокруг шеи свернувшись колечками, забралось потом через ухо лихом неведомым. Затуманился взор, Люда в самую чашу лесную навечно ушла, там землянку себе глубокую выкопала,

там до поры, до времени схоронилась, там поменялась во внешности. Как сменила свой лик, стала в деревню украдкой наведываться, мужика загулявшего, запойного стала выискивать, да лечить его, из ямы дурмана вытягивать. После её исчезновения, а потом и ночных появлениях чудища, что протяжно так, - Люоууу-доу, - впотьмах представляется, по дворам слух пошёл, что ведь точно, эта та самая девица Люда, та, что отчима ухватом пристукнула, а потом затерялась у озера. Имагошей обратной приходит и мужик, что запойный какой, после встречи с ней, как заново рожденный, да к бутылке потом не касается, ходит трудягой, на радость всей деревни соседешкой ласковым. Людо-стали кликать её, а бабы додумались ей дары носить из своего старого, ветхого, да носки мужика своего, чтоб на запах учуяла. Да просить, - Помогите Людо, избавьте нас от лютого бремени, горького...

- Неужели время пришло? Двести лет уже минуло. Стало быть, я исполнила, что обещала, что у ив сама напросилась вершить. Спасибо! И правда умаялась. Наконец увижу родных, как же долг был путь к ним, - Людмила вздохнула, - жуткий образ, что был ей бронёй, в прах тот час на ступени земелькой просыпался. Защитник, помощник её отвалился, присоски свои отцепил, прыгнул на стену, в уголок потолка заскользил, там слился окраской с побелкой, затаился. Невидно его, пауком притаился, затих, смотришь туда, там и нет его.

В окно чёрной лестницы, ударил последний, предзакат-

ный луч солнца. К Люде потянулся, словно руками, осветил её красивую сущность, обнял нежно, теплом своим обогрел и утешил. Задрожал напоследок, солнце за стену дома пошло, а за лучиком Людо золотистой дымкой воспарила, цветочной пылью осыпаясь, ушла на закат. Виталя на ступеньки мягко спустился, щенком приبلудившимся засопел, тихо так, нежно лицо на ладонь уложил, сладко похрапывая.

На чёрную лестницу с общего коридора вошла тётя Люся, техничка-уборщица.

- Господи! Ну, сколько можно-то? Ну откуда вы такие берётесь. А земли-то сколько нанёс. Эй! Мил человек, просыпайся. Алкоголики проклятые! С леса чтоль, земли натаскал? Так, к себе бы и нёс. Земленос, синий нос, - стала причитать и ругаться тётя Люся, толкая Виталика.

Виталя бодро открыл глаза, - Где это он? - посмотрел по сторонам. Тётка какая-то ругается, вроде местная уборщица. Разбудила. А он видел такой прекрасный сон. Будто познакомился в лифте с красивой девушкой, с пепельно-русыми волосами. В белоснежном сарафане и расшитом переднике. Домой привёл с новыми друзьями знакомить, а потом они танцевали, хороводы все вместе водили. После так нежно обнимались с той девушкой, тут на лестнице. Она целовала его в шею, щекотно так было, смотрела бережно с любовью.

- Муза, - прошептал Виталя, - Ого, неужели муза вернулась, - снова прошептал Виталя, а потом вскочил и как закричит, - Ура! Ко мне муза вернулась! Ура!

Со счастливым хохотом Виталия стал скакать по лестнице, подхватив за талию заверещавшую тётю Люсю, подкинул её, за что получил затрещину и пару раз веником по спине. Снова радостно захохотав, вскинув победно вверх кулак, побежал домой.

- Сумасшедший! Ух! Чуть душа не отлетела, как подкинул. Идиот! Была бы моя воля, я бы этим алкашам показала, - затарахтела в полголоса тётя Люся.

В углу над окном зашевелило щупальцами нечто, услышав призыв, заскользило по потолку, зависнув над бурчащей тётей Люсей, резко спрыгнуло ей на плечи, влажно сомкнулось вокруг шеи склизким обручем.

Этажом ниже, пинком открылась дверь. Кто-то, чертыхаясь, закурил. Густые клубы дыма поднялись дурной тучей по лестницам, окутав застывшую с остекленевшим взглядом тётю Люсю, которая тягучей мантрой повторяла, не громко, - Люууоу-дооо ...Люууоу-дооо...

Дымивший, как паровоз мужчина, громко отхаркивался и что-то несвязно, но злобно бормотал сам себе под нос. Потушив окурок, громко хлопнув дверью, ушёл. Тётя Люся, отбросив в сторону веник, устремилась за ним, там догнала в коридоре, дождалась, когда он откроет квартиру, из которой по всему пролёту коридора с грохотом лилась грохочущая бешеным барабаном музыка. И только он ступил ногой на порог, резво набросилась сзади. Дверь за ними затворилась. Потухли высокие биты. Коридор укрыло благоговейной ти-

шиной.

А Виталий, оказавшись дома, первым делом достал блокнот и ручку, написал записки с извинениями, прошёлся по этажу подложил под двери соседей. Заметив разбитое окно коридора, пригорюнился на минуту. У своей квартиры вопросительно уставился на стену напротив, - Вроде тут висело большое зеркало. Точно висело, - Виталя даже несколько раз в него смотрелся. Где же оно теперь, куда подевалось? Вроде осколков на полу нет, значит Виталя не причём. Наверное, кто-то из соседей унёс. Хмыкнув, Виталя достал из кармана пиджака телефон.

- Алё! Марка Геральдиевна, здравствуйте! Это Виталий. Я это, вернулся в строй. И главное ко мне муза вернулась. Представляете, я снова готов творить, - радовался Виталя, прохаживаясь по общему коридору, - Скажите, а Валерка немой, скульптуру на фронтон входа в театр закончил? Нет? Передайте ему, пусть и не трогает больше ничего, я займусь. Я знаю, как должно выглядеть лицо музы, волосы, причёска и во что она должна быть одета. В красках представляю и готов уже сегодня привезти эскизы. Марка Геральдиевна, прошу, умоляю, дайте ещё один шанс. Клянусь я больше ни-ни. Честное слово, больше ни капли. Дадите? Вот спасибо Марка Геральдиевна. Клянусь, я больше не подведу.

Не теряя ни минуты, Виталя вошёл в квартиру, там сделал ещё пару звонков, заказал стекло для окна в общем коридоре и попросил сестру приехать, помочь ему с уборкой

студии. После прошептав благодарности деду, за квартиру и что вдохновение к нему привёл, достал мольберт, бумагу, принялся вспоминать карандашом посетившую его музу. И видел её настолько ярко, так живо её представлял, что аура вокруг него сверкала солнечным ореолом.

- Сработало девочки! - подмигнула товаркам пожилая дама, глядя на Виталию за работой, через окно двенадцатого этажа снаружи.

- Всё, моя вертихвостка, можешь на выходные быть свободной, но сначала Марке Геральдиевне позвони, скажи, заказ выполнен, - с улыбкой кивнула молодой ворожее, многодетная ведунья.

- Будет исполненно. А где теперь Людо? Вернулась в землянку? - спросила молодая.

- Да, скорее всего. Где ей ещё быть. Дело сделала и пошла, отдыхать, наверное. Ты погляди, как карандашом водит, как искусно работает, наш Виталик! Талант! Не зря старались, девочки. Эх! Ладно, полетели что-ли. Мне ещё внука с садика забирать, - вздохнула удовлетворённо пожилая и фьють унеслась, тарахтя мотором старого бытового агрегата, за ней и остальные ворожеи умчались резвыми пылесосами, каждая по своим будним делам, заботам, колдовать над ужином, любить своих близких, дарить им тепло, сохранять мир и множить гармонию.

Глава 4 Стражницы северо-запада и жуткая посылъ

Марина устало присела на лавку остановки. Ехать домой не хотелось. Обычно покидая новый объект, где проводила ремонтные работы, уже как второй месяц пошёл, брала какой-нибудь выпечки из киоска с едой у метро Политехническая, прыгала в машину и устремлялась на Невский. Там на Садовой у шара желаний, Марина включала бумбокс, под музыку которого, перевоплощалась в уличную танцовщицу. Каждый раз, показывая прохожим зрителям новую сказку замысловатыми па. Иногда ей вместо бумбокса подыгрывал на гитаре, опалённый огнём музыкант. И тогда танец в движениях Марины взрывался жгучим фламенко, струны рыдали, толпа ликовала. А Марина довольная показанным предполночным спектаклем, на всех парах неслась тёмными проспектами в свою любимую, можно сказать тяжкими трудами, долгими годами выстраданную квартиру. Купленную не так давно, от того ещё восторженно любимую. Где с удовольствием наслаждалась заслуженным за день отдыхом, просто бездумно валяясь на матрасе в гостиной.

Но сегодня, стоя в очереди за выпечкой, она ненароком подслушала разговор молодой, примерно её возраста, семейной пары и их дочери, неспешно прогуливающих рядом.

О том, как они после прогулки вернуться домой, что будут делать, какой ужин, а после него и десерт их ожидает. Спор о том, какой фильм перед сном будет смотреть молодое семейство, внезапно выбил Марину из привычной для неё колеи. Бросив взгляд на дом через дорогу, она увидела в одном из его окон другую воркующую на вид семью, а в соседнем целующуюся парочку. В каждом окошке творилась жизнь. Творили её люди, семейные пары с детьми и с пожилыми родителями. В какие-то окна выглядывал кот или собака, чирикал, играл попугай, густыми джунглями раскинулись комнатные растения и горделиво лучились счастьем наполненные ароматами готовки чужие кухни. Марина почувствовала себя до слёз одинокой. Обычно хорошее настроение, вдруг в момент улетучилось, уступив место щемящей тоске.

Марина вдруг осознала, как пуста и не полноценна её жизнь. Чего ради она крутится, который год каруселью, с объекта на объект, с одной работы на другую, не жалея сил, не жалея себя. Для чего все эти старания. И квартира, которой она ещё час назад безмятежно радовалась, вдруг представилась ей безжизненным, пустынным островом, без пальм, без птиц и даже маленького краба. Пропадая круглые сутки на работе, Марина кактус не могла себе позволить завести, не то, что котика или начать встречаться с молодым человеком. У неё на это не было времени. Как и не было у неё и никакого хобби, и последнюю книгу читала ещё в институте, учёба в котором, в общем-то, ей и не пригодилась. Рабо-

тала Марина не по профилю. Даже кино Марина не смотрела, а засыпала под него в самом начале. А на что тогда есть время у неё? Марина не хотела отвечать самой себе на этот вопрос. Вдруг, прозвище Робот, которым её в шутку называли близкие подруги, показался такой обидной, резкой, чудовищной правдой, что она чуть не расплакалась, в первые, осознав этот факт. Робот. Бездушный Робот, без семьи, без интересов и только с одной целью, работать, пахать, работать и пахать, работать и пахать. Беляш в её руке, купленный рядом в ларьке, начал остывать. Марина обиделась. На себя, на работу, на всю свою жизнь.

Родителей у неё не было, как не было братьев и сестёр, других родственников, даже троюродных. Подруги обросли семьями, вторыми половинами или как и она пропадали на службе. Созванивались они последнее время редко, по праздникам в основном, а виделись и того реже. Марина пригорюнилась. Решив нарушить правило, ждать звонка и никогда не звонить самой, боясь потревожить, позвонить в неудобное время, она достала телефон.

Номер Машки не отвечал, Алкин автоответчиком поведал, что она на море и когда вернётся в город неизвестно, Женька, коротко бросила, что перезвонит, а Венере Марина звонить не хотела, встретились буквально на днях, ещё не успело остыть тепло дружеских объятий. Марина вздохнув, набрала Ладугу. Но та, не дав слова вымолвить, коротко прострочила о том, что едет с семьёй в Снежную Королеву

и что поговорят они с Мариной при встрече на новоселье у Женьки.

Опять она, Марина, не во время, снова не уместна, нарушает границы. Она безразлично уставилась на проезжающие мимо машины, смотрела сквозь них, без всякого интереса. Уже смирившаяся с тоскливым настроением, готовая провалиться в чёрный омут депрессии.

Позади неё, с крыши журнального киоска слетел на землю воробушек.

- Девушка, а вы не добавите мелочь. Хоть несколько рублей, - вырвал Марину из вязкого небытия, вопрос откуда-то сзади, со спины.

Обволакивающая, тягучая грусть, в миг, отвердев, хрупким стеклом задрожала, от брошенного камнем слова разбилась, мелким осколком рассыпалась. Марина, мотнув головой, посмотрела на попрошайку. Им оказался худой мужичонка, ниже среднего роста, неопределённого возраста, невнятной, неприметной внешности. С юркими, впалыми глазками и остреньким, маленьким носиком. В вязаной шапке ушанке. Сереньком пиджачке на одной пуговице, таких же сереньких штанишках и кожаных, стоптанных сапожках, чуть выше щиколотки. Суетливый такой, заметался вокруг Марины, забегал кругами, чуть не прыгая. Марина полезла в сумку за кошельком, уронив при этом беляш на землю.

- Ой! А можно я его заберу? Вы-ж наверное всё равно теперь не будете? - заскакал перед Мариной мужичонка, сума-

тошно вертя головой.

У Марины наворачнулись слёзы. Не сказав не слова, она пошла к ларьку и купила ещё пять беляшей, которые молча, протянула мужичку, насыпала ему в карман пальто монет полную пригоршню и туда же сунула пару сотен. Проклятая тоска никак не хотела отпустить. А мужичёк так обрадовался, так запрыгал, что казалось, ещё немного и он взлетит от внезапно свалившегося счастья. Пораспихав беляши по карманам, мужичёк поднял и с земли обронённый Мариной беляш. Отряхнул его, с большим аппетитом от него откусил, прожевав, вдруг заговорил:

- Премного благодарствую вам, милая, добрая незнакомка. В ответ, в свою очередь хочу развлечь вас историей, если можно. Знаете девушка, я ведь давненько в Санкт Петербурге живу, многое повидал, ещё больше наслышан, земля и правда слухами, байками полниться. Вот, к примеру, ну вот смотрите, ограда за нами, что копиями, забор Политехнического. Приглядитесь, там помимо копьев, ещё круги прикурочены, а вы знали, что это и, правда, всё копия, а круг, то оружие метательное. Говорят, ну, во всяком случае, мне матушка моя, а ей её бабушка, а тому его брат, что узнал от золовки, та нахлобучена байкой от деверя, тот от мужа сестры услышал, ведь история эта корнем на многие годы назад прорастается. Ну, так вот, копия эти здесь, не простые. Там на севере дальнем, у самого полюса, есть ворота на другую земельку, что как в зеркале, вроде такая же, как наш

мир, но другая. И тот мир населяют другие народы, что живут, как и мы, только нам параллельно и границу тех миров вулсара охраняет. Морды жуткие, треугольными масками к подбородкам повытянуты, глаза вертикальными веками, рот подковой унылой, волос подрублен ровным каре, плечи широкие сразу в бёдра ногами столбами. Руки стальная мышца, кулаки, то булыжники, сами одеты в кухлянки из волка полярного, ножищи в торбаса из китовой кожи обутые. Выше, шире людей человеческих, ходят с луками, каждого, кто осмелится к границе прийти, подойти хоть на метр, стрелами с лука встречают, а могут и тяжёлым копьём к земле пригвоздить, что в пять раз толще копий ограды, что за нами. Но сами на нашу сторону тоже не ходят, охранять, ту границу поставлены. Лишь за беглыми могут в погоню податься, и вот знаете милая девушка, говорят, что перебежчики превысили вулсарову статистику и день, на день вулсара собирается войском двинуться с полюса. Но не только, они границу стеречь по обязаны, с нашего мира тоже есть ратное войско, что должно защищать, охранять мир людской. Это войско из местных девиц собирается, ведь мужчины все заняты, потому что границы со странами ближними охранять на службу поставлены. Амазонками девами, дардарками, россиянки, не только славянки, а прочие, коренные девицы службу ратную нести призываются. И сегодня, знаете милая девушка, час для новой призывницы пробьёт и в ту минуту с ограды её круг и копьё, оружейно отвалятся. Если точным

быть, то буквально двенадцать минут, двенадцать секунд и новая дева воительница, обретёт для себя новый смысл жизни своей. Теперь станет дардаркой, стражницей севера, миров охранительницей. Из сестёр богатырский отряд, будет ждать её в месте условном, вооон там, у дальнего дерева. И как только избранница сердцем почувствует связь с делом жизненным, тотчас силой наполнится и семью из сестёр обретёт, станет мира нашего стражницей. Вот такая история, милая девушка. Ну, а я, вам поклон за беляш, за монетки и денежки, низко кланяюсь и за сим удаляюсь. Ого, уже десять минуток осталось. Ой, что это там, на крыше творится, - указал на дом, что, напротив, через дорогу, Марина взглянула туда. - Да нет там ни чего, пусто, - повернулась а мужичёнка пропал, позади, за спиной воробей зачирикал, - Чирик чик чик, -и взлетел, затерялся во тьме, за киосками.

- Бред какой-то, - Марина пожала плечами, - Но бред заво-раживающий. Ладно, надо двигать до дома, - вздохнула Марина, встала и вместо машины пошла к дальнему дереву.

- Вон, кажись наша идёт, - раздался шёпот в потёмках у дерева.

- Тихо ты! Да ну, не она это. Малохольная больно, курва сутулая, снулая, - не верит в потёмках шёпот другой, винни пухом похрипывая.

- Точно наша, смотри кака ладная, - умиляется третий шепоток.

- Да тебе все вокруг ладные. Умолкни святоша, сейчас не

до этого. Тсс, всё, разговоры потом, у нас тут не гламурный салон, и не бытовка в сердцах богадельни, а дело всей жизни, на карту поставлено, - винни пух там не верит товаркам, не по нраву Маринка на вид, виннипушке хрипатоЙ, совсем ей не нравится.

А Марина до конца, не понимая, что она сейчас делает, подошла к ограде.

- Бред сумасшедшего, - качая головой, Марина дотронулась до одного из копий. Оглянувшись по сторонам, подёргала из стороны в сторону круг. Постучала по голове, у виска пальцем покрутила, пошла обратно к Политехнической, где оставила машину.

- Говорю же, не она это, у меня глаз алмаз на такое... - начала, было, бахвалится хриплая виннипушка, как вдруг увидела, что Марина стремглав бежит обратно, поглядывая на часы в телефоне. Ещё один бросок, ещё шаг и на землю со стороны сада упало копьё и кольцо.

- Блин! И как мне их оттуда достать? - в сердцах воскликнула Марина.

- А, ты перепрыгни сестра. Это твоё второе задание на сегодня, - раздался виннипуший голос из темноты.

- А, какое первое было, - спросила Марина, глядя на дерево, почему-то решив, что голос идёт оттуда.

- А, первым было почувствовать своё предназначение и придти сюда, в час назначенный, - отвечает ей голос другой, он по ласковой, а за ним из потьмы отряд из девиц, их всех

вместе одиннадцать.

- Ты вновь двенадцатая наша сестра, декабрина значит, когда день рождение? Первой, январской мы полишились. От стрел вулсары полегла, ты ей замена. Ну не стой, как прикована, перепрыгивай к нам или лезь, через прутья, сестрица сутулая. Сегодня марш бросок от сюда до Марсова поля, бегом пробежимся. В честь твоего появления и до первой зорьки тренировка потом. Вулсара ждать нас не станет. Ты давай поторапливайся, - виннипуш добавляет, смотрит сквозь прищур, играется жвалами.

Марина хотела было послать всю честную компанию, берегом чуть по ниже пупа земли, с неровным, выпуклым скалистым выступом, вместо этого гимнасткой, пружиной подпрыгнула и раз, с другой стороны перед новыми сёстрами встала. Поклон им сердечный отвесила.

- Копьё в руки, круг на пояс, сама в строй и помчались. Быстро снимемся с места, быстрее доберёмся, а там и может обнимемся, - виннипуша хмыкнула, хрюкнула. Сёстры копьё к груди резким движением сдвинули, - За-пе-вааай, - на распев виннипуш протянула и девы затянули:

Улетай на крыльях ветра, ты в край родной
Родная песня наша...

Завибрировал, заголосил телефон Марины. Женька звонит, как же Марина по подруге соскучилась, встретив взглядом сердитые взгляды новых сестёр сбившихся с ритма, замолчавших и услышав грозное пыхтение виннипушки, Ма-

ринка всё же сняла звонок и подружке ответила, - Привет Женевьева! Давай не сегодня. Я тебя завтра наберу, а знаешь, давай на новоселье у тебя поболтаем. Всё, целую тебя. Скоро увидимся, - трубку повесила и подхватила песню:

...Туда где мы тебя свободно пели

Где было нам с тобою так привольно...

Стиснув губы, рукой работающей копьё подняла, оно оказалось тяжёлым, в руку другую кольцо. И за сёстрами к Марсову полю помчалась, - А как же машина? А машина теперь ни к чему, теперь она бежит. Хотя нет, на днях заберёт, ни чего с машиной не станется, - настроение хорошее к Марине вернулась. Вот в чём её суть. Теперь смысл понятен. Теперь ей спокойно стало. Теперь не одна она. Теперь ей скучать не придётся. Марина возрадовалась.

- Постой! - но Марина уже сбросила звонок, Женька насупилась, - Ну вот и поговорили. Ладно, хоть про новоселье Маринка уже знает и то хлеб. Там и обнимемся.

Женя сделала бессознательный круг по комнате. Кэш её парень, ещё вчера должен был снять для них двоих квартиру, но как обычно бывало, куда-то пропал. На звонки всю ночь не отвечал. Женька сначала обиду затаила, легла спать в разорванных чувствах, а утром и вовсе разозлилась, каков наглец, каков удалец. Ну и хорошо, ну и ладно. Собрала вещи и уехала в комнату коммуналки, на Маяковскую улицу, что ей осталась от бабушки. Тут она пряталась в непогожие дни, когда чувствовала себя разбитой, когда страдала по осени

или злилась на Кэша. Тут же была её кукольная мастерская.

Любовь к куклам ей привила любимая бабушка. Сначала Женя просто в них играла по детству, в юности стала коллекционировать, а после и сама, начала их мастерить, переделывать из уже готовых и реставрировать старых. Создав за годы увлечения, неплохую базу постоянных покупателей и обретая с каждым годом всё новых и новых клиентов.

По детству куклы дарили ей миг утешения, когда её мать Ариадна в очередной раз исчезала в водовороте нового романа, пытаясь устроить личную жизнь. Женя в такие моменты отправлялась на не определённое время пожить у бабули, матери отца. С папой они почти и не встречались, он был занят новой семьёй, новыми детьми. А вот бабуля с радостью встречала внучку, каждый раз, в подарок, преподнося новую куклу. Вместе они сочиняли историю о ней, давали имя и днями напролёт шили ей новые наряды, строили домик, обустроивая кукольную жизнь с комфортом.

Женя посмотрела на полку, где как раз и хранились до сих пор, все бабушкины дары. Переводя взгляд с куклы на куклу, перед Женькиными глазами проплывало счастливое время, проведённое с бабулей. Каждая кукла хранила в себе целый музей таких воспоминаний. Вот, например, кукла Лизетта, каштановолосая дама, в шляпке соломенной, в красном платье в белую клеточку, белый шитый узорным кружевом передник, на поясе съёмная брошь. Эту брошь они с бабушкой купили в Гостинном Дворе. Ажурной чеканкой канва, в ней

горизонтально вставлен овальный камень, а на нём роспись эмалевая, пейзажик с усадьбой, вон даже видно коровку, что сено жуёт за оградой. Рядом сено в телеге. За ними на небе три птички, наверное, ласточки, хвостики длинные. Солнце в зените, трава, будто выгорела. Но не это главное, а что после покупки они с бабушкой пошли во французскую кондитерскую, сбоку там, на Садовой улице и Женька впервые попробовала шоколадный десерт. Такой терпкий, язык к нёбу хотелось после каждого кусочка, прислонить и крошку ириски размять, та, что с присыпки, так вкуснее, по науке бабулиной было и коктейль из мороженого. Ох! А день хоть и пасмурный, лучше праздника Женьке казался. А мишку-каприз в руках у Лизетты, она лично пошила. Казалось бы, как ей удалось, но он словно фабричный, не ручного шитья. Всё заслуга бабули, она ни раз помогала, показывала, где какой стежок подойдёт, где какая строчка заиграет по выигрышной, как край-уголок подогнуть, чтоб хватило, если тканюшки в притык и прочая, прочая мудрость житейская. Если вдруг не хватало у куклы обуви или сумку ей надо, чалму с сизым острым пером на боку или корзинку сплести, самой сделать пуговку, всё это бабуля моментально придумывала из чего, с какого материала подручного вылепить, склеить, собрать, сотворить.

Женя смотрела на целую жизнь. На две целых жизни, ведь бабуля хранила и свои детские, довоенные куклы и прочую утварь для них. Сундучки с гардеробом, посудку для них

специально изготовленную, и латунную, и фарфоровую, даже чугунную, а из золота и серебра, ювелирный наборчик, говорила от знатной стац-дамы, царицыной фрейлины ей от тётки двоюродной в подарок достался на день именин. Берегла его, как сокровище ценное.

Женька давно не перебирала архив и сейчас уносимая памятью прошлого, с большим удовольствием закопалась в коробках, шкатулках, сундуках, чемоданах, из шкафов достала мешки, кутели и портфели, всё в центр комнаты вывалила. Душой наслаждалась, все звуки для неё потерялись, утонула в прекрасном своём увлечении. Рассматривая старинный каталог с кукольным гардеробом-приданным, решила чай с печеньем попить. Подошла к столу с самоваром, глядь там свёрток лежит. Да большой такой, сантиметров так сорок с копейкой. Удивилась. Вроде каждый заказ разобрала, на прошлой неделе, всё в книгу-регистр внесла, каждый новый предмет, зарисован и даже раскрашен, под номер забит. А это что за свёрток. Как могла она его пропустить? Махнула рукой, пусть лежит, не до этого. Но как только чай налила, достала коробку с печеньем, жестяную, домиком, крышка как крыша, как рука сама потянулась до свёрточка.

На нём адрес Магаданская обл. п. Мамино ул. Морозная д.3 кв. номер смазан, с другой стороны рукой чьей-то написано: Для Евгении! Милой племянушки. От Авдотьи Семёновны и от бабушки Рады...

Это шутка что-ли такая, ведь тётка Авдотья ещё до рож-

дения Женьки, в колымских лесах потерялась, то ли в болоте увязла, то ли медведь унёс, мать Ариадна каждый раз по-другому рассказывала. Ну, а бабушку Радугу, мамину маму Женька и вовсе никогда и не видела. Что за происки лютой-сти? Женя с опаской открыла свёрток, в нём коробка коричнево-жёлтыми пятнами.

Мураши по спине побежали, по шее заскользили ежатами, колкими ёжками, руки мелкой дрожью пробило, трусятся, но сами крышку с деревянной коробки снимают, там лежит мёртвая куколка, гвоздями к дну коробки прибита зачем-то, вокруг куклы иголки еловые, пятна бордово-коричневые по всему корпусу, ещё влажные.

Крик в горле комом застрял, печенюшкой, крошкой просыпался, не дав прожевать сладкую сдобу, настолько вид этой куклы Женьку испугал, расстроил, привёл в ужас. Она словно в морге себя на минуту почувствовала. На силу сдержалась. Глаза рукой прикрыла, отдышатся, всё не может, за сердце нет-нет, но хватается.

Только была, пришла в себя, телефон зазвонил, да так неожиданно, Женя коробку с жуткой куклой, на пол обронила, сама громко вскрикнула.

- Алло! Женя привет, это Стэп, армейский друг Кэша. Не ругайся на нас, пожалуйста. Или хочешь на меня поругайся, Кэша не трогай, это из-за меня он домой, вчера не пришёл...

- Ты меня за дуру держишь? Зачем тогда ты утром к нам, к маме его заходил? Спрашивал о нём?

- Погоди! Это была стратегия. Ну, узнать там, какова ситуация. Женя ты не злись. Мы кстати съездили, сняли квартиру, которую ты выбрала. Предлагаю прямо сейчас туда съездить, посмотреть, ну, в общем, твой женский, ласковый взгляд нужен, что где разместить, мы и мебели кое какой прикупили. Собираемся вот туда поехать, отвезти. Только тебя не хватает.

- А, чего ты звонишь, почему Кэш сам меня не набрал?

- Ну, ты же знаешь его. Да и он сам расскажет, ты давай соберись по быстрому и спускайся, мы тут у парадной тебя ожидаем. И смотри, едем на съёмном авто, так что каждая минута дорога.

Женя, было, хотела сбросить звонок, но её взгляд остановился на коробке. Куклы в ней не было. От коробки в сторону углового, стенного шкафа шли крошечные, мокрые бордово коричневые следы. Взглядом, достигнув за ними до дверцы шкафа, Женька вздрогнула. Дверь была немного, буквально на пару сантиметров открыта. На мгновение Жене показалось, что она увидела крошечную ладошку, взявшуюся за край стенки шкафа. Изнутри. За ней выглянули проваленные глазки в почерневшей голове.

- Ау, Жень, ты чего там пропала? - раздался в тишине голос Стэпа из трубки телефона.

- Уже бегу, - ответила Женька, на бегу застёгивая кофту, прямо в тапках, забыв от страха переобуться. Захлопывая дверь, и не глядя, защёлкивая замок.

Теперь она здесь не скоро появиться, подумала Женя, перескакивая ступеньки, а выскочив на улицу, с разбегу прыгнула в объятия Кэша.

- Женёк! Любимая! Я по тебе очень соскучился. Прости, что мне дозвонится не могла, прости, что заставил волноваться, - крепко обнял свою девушку Кэш. Поняв, что скандала из его ночного отсутствия не случится, довольный подмигнул Стэпу, тот мигнул, улыбнулся ему одними глазами. Вечер обещался быть радостным. Стэп набрал Дымку.

- Аллё! Дымка, брат приветствую! От Кэша и его Жени привет! Как сам? Как там, на Псковских, золоченых просторах? Как Валенок поживает?

Глава 5 Случай на рыбалке, Дымка гусяр и Калинка

Валентин придя на Псковское озеро, принялся суетливо слоняться вдоль берега, рыская в зарослях прибрежной травы, вспоминая, куда он запрятал лодку, в прошлый раз. А всё потому, что решил не оставлять указатель, подумав, что так будет надёжней. Предидущую-то лодочку увели. А новую таскать на себе туда сюда без машины не хотелось. Вот и оставил её здесь, а где подзабыл.

Рыча под нос ругательства, почёсывая время от времени русую бородку, Валентин, со всего размаха налетел на то, что искал, да свалился прямо в неё, пребольно ударившись лбом о перекладину сидений. Чертыхаясь, поднялся. На вспухающую шишку, прямо над бровями, даже внимания не обратил, главное лодочка нашлась.

Спустив её на воду, погрёб вёслами к месту, где у него стояла сеть. Поплавки, что должны были указывать, на место установки, ушли под воду и там болтались тревожными мальками.

- Ух, ты! - обрадовался Валентин, - Кто-то большой попался, - значит, сегодня он угостит друга Дымку, вкусной ухой. Это же надо только решил сеть проверить, а там уже и улов!

Попытавшись вытянуть сеть, Валентин понял, что не мо-

жет этого сделать, что-то мешало, будто держа её со дна. Но Валя не сдавался. Отдышавшись, снова принялся тянуть на себя, в какой-то момент сеть поддалась. Валентин обрадованно стал её поднимать. Но рыбы, которую он ожидал, запутавшуюся в ячейках сети, всё не было видно.

Вместо этого на него надвигалась из глубины, как ему показалось пасть большой щуки, - Щука, она родимая, да большая какая, и на уху и на тефтели хватит, - поджав губы, радовался Валя, представляя, как удивится и обрадуется Дымка. Как девушка, с которой Валентин познакомился, тут на озере, кстати, будет хвалить его, а потом приготовит вкусный, добрый ужин. - Ну что за красота, эта щука, - прицокивал Валя, нетерпеливо ожидая с горделивой ухмылкой, увидеть, наконец, щуку мечты, которая так легко поднималась к нему, не вырываясь. - По щучьему веленью, по моему хотенью, - припеваючи завёл победную присказку Валя, сделал последний рывок и к своему удивлению вытянул из воды морду целого крокодила, да гиганского-то какого.

- Ик, ха..ай, - вскрикнул Валя, спиной выпадая из лодки, выпуская сеть из рук. Даже вздохнуть не успел, как пошёл топориком, вверх тормашками на дно. С другой стороны лодки, над ним, у поверхности, поплавком качался на волнах громадный крокодилище. Снизу, в воде, он смотрелся не менее устрашающе, но ещё больше пугала его, непосредственная близость. Валентин от шока, не мог шелохнуться и камнем продолжил погружение.

Крокодил дёрнулся, будто проснулся. Ударил по воде хвостом. Валя дёрнулся тоже и выпустил изо рта струйку пузырьков, которые кружась и вихляя водоворотиками стали подниматься к поверхности, где маленьким гейзером врезались в лапу глыбы крокодила. Когти рептилии рефлекторно сжались и в ту же секунду крокодил, резко нырнул в глубину.

Валя заорал в воду. Воздух что он держал в себе, тут же унёсся к поверхности. А крокодил спустившись почти вровень с Валентином, вместо того чтобы напасть, без всякого интереса, даже казалось с презрением посмотрев, на барахтающегося парня, проплыл мимо, разогнавшись унёсся торпедой куда-то по своим делам, в сторону дальнего берега.

Валентин поспешил вынырнуть. Гребя руками, он вдруг увидел на дне такое, что его заворожило, напугало и вызвало жгучий интерес подплыть поближе. Ему хотелось смотреть и смотреть на этот предмет, не отрываясь, настолько он был впечатляющим, поражающим воображение и тянул, тянул Валентина к себе. Так же как и при встрече с его девушкой. Валькин не смог, себя побороть и притянулся к ней в тот же вечер, не успев, они толком познакомится. А утром она уже жила у него. Вернее теперь с той встречи, стала жить с ним.

Воздуха не осталось совсем. Тогда из последних сил Валя рванул к лодке. Там, забравшись в неё, всё ни как не мог отдышаться, откашляться. Лёжа на дне судёнышка, вдыхая с жадным упоением воздух, Валькин думать, позабыл про

крокодила, а всё думал о том завораживающем видении, на дне озера. Валькин присел, глубоко вдохнув воздуха, перекрестившись, перевалился через стенки лодки.

Сапоги потянули его ко дну, где среди коряг и водорослей, в янтарной от солнечного света воде, воткнувшись боковой стенкой в ил, величественно торчала гигантская устрица. Жемчужница, размером с хороший микроавтобус. Наверняка, полная крупного жемчуга. Это точно была она, думал Валентин. Он такие по телевизору видел, в одном из документальных проектов, а он очень обожал подобные передачи. А теперь и своими глазами увидел, - Какая там щука, какой к чёртовой бубе крокодил, вот, вот это было поразительным. Вот это вещь! - восхищался про себя Валентин.

Насмотревшись, решил подплыть поближе. Посмотрев по сторонам, нет ли поблизости крокодила, поспешил к своей мечте на встречу. Там ещё замер, на мгновение, оценивая размах и размер ракушки. Дивился, этому чуду, не стесняясь. Решил потрогать. Материал, из которого была сделана эта махина, был на ощупь, как мягкий наждак. Бугристый такой, но всё равно приятный. Валя решил постучать по поверхности устрицы. Щель между створками, заиграла, засверкала огнями, завибрировала.

Но тихо, почти беззвучно. Со второго раза слышались характерные звуки возни. На третий слышался похожий стук изнутри. У Валентина тревожно забилось сердце. Противно сжался желудок, и очень захотелось пить. Валя ещё

раз постучал, снова в ответ стук по стук. На четвёртый раз, в ответ раздался такой грохот, что Валя чуть сознание от испуга не потерял. Будто забарабанили десятки рук, а после слышался то ли вой, то ли протяжный полный тоски стон, всё громче и громче и вот этот вой, перерос уже в яростный вопль. У Валькина сжалось сердце. Тишина. Ни стука, ни воя. Тишина. Только в ушах стучит нарастающее давление. Валентин собрался было ещё раз тихо постучать, по корпусу раковины. Как вдруг устрица заворочалась из стороны в сторону, словно её раскачивают изнутри. Снова слышался вой, а потом такой рык, что Валя, не дожидаясь, что произойдёт дальше, рванул наверх, к лодке. Подумав, что на завтра снова вернётся сюда, за ночь, решив, как ему поступить.

Добравшись до лодки, едва отдышавшись, поспешил к берегу. И подводная картина и звуки которые слышал на дне, всё это заполонило сознание Вали. Даже проплывавшего мимо лодки, того самого крокодила, Валя в этот раз не испугался. А только шикнул на него и легонько оттолкнул веслом. Мол, плыви себе по добру, по здорову, не до тебя сейчас.

Вернувшись, домой Валькин ни как, не мог найти себе места. Девушка его, встретила борщом. А он вместо того, чтобы её поблагодарить, как накинется, - А фасоль где? Я же уже говорил, люблю борщ, только с фасолью. Ну что ты за дура? - вопил на неё Валя.

Девушка с улыбкой вышла из кухни в комнату, а через минуту принесла в керамической плошке отварную фасоль.

Валькин ей поражался. Чтобы он не захотел, не попросил, она всегда уходила в комнату и обязательно приносила, то, что он пожелал. Он, было, подумал, что она втихаря, там маленький холодильник поставила. Когда она уходила погулять, даже искал его. Но нет, ни холодильника, ни маленькой плитки, ведь фасоль-то она горячую принесла только что. Ни чего этого не было. - Женские, колдовские секреты, - думал он в такие минуты.

- Ай! Ну, тебя. Дура баба. Давай сюда. Сам положу, сколько надо и уйди. Дай поесть спокойно, да подумать. Да сметаны принеси. Всё тебя просить надо, - ни как не унимался Валя.

А самое ведь интересное и имени-то её Валентин не знал. Уж месяц пошёл, как они живут вместе, а имя её и не знает. Поначалу было не интересно, баба и баба, а потом стало неудобно спросить. Так и живут. А хозяйка она, вот этого ни отнять, ни прибавить хорошая, хлебосольная. И порядок всегда и стол накрыт, - Пущай живёт, дура этакая, - думал благодарно Валя, каждый раз засыпая с мыслью, что утром его будет ждать вкусный завтрак, а потом и обед поспеет. Эх, живи, гуляй, наслаждайся. Без неё худо было бы, но Валькин, нет-нет, но на неё покрикивал, чтоб знала, кто тут в доме хозяин, так его дед учил, - С бабой надо по строже, а то распоясается, - и Валя послушно выполнял его указ.

- Где-же Дымка? Чего не идёт, пора бы уже и вернуться. Сказать ему про устрицу в озере, или пока не стоит, - рас-

суждал Валентин, хлебная борщ, заодно нахваливая про себя девушку за вкусную готовку, - Надо бы ей подарок, какой подарить. Может сковородку, а то, что она всё на старой готовит. Пущай порадует. Сковородка в хозяйстве, вещь полезная.

- Ты, это, слышишь, что говорю? Борщ-то на печку поставь, Дымка с озера придёт, накормить надо будет. Да фасоли покласть не забудь. А потом постель мне постели, устал я с рыбалки. Да голову мне почеси, погладь, стресса сегодня много было, надо расслабиться. Да поторопись. Я уже готов прилечь. Если усну, то к приходу Дымкиному разбуди. Я чай пить буду, - распорядился Валя, отодвигая пустую тарелку, подумав, добавил, - С выпечкой. Пирог там, ватрушки. Ну, ты сама знаешь что испечь, разберешься. Да не шуми. Не ходи дурой.

Дымка приехал на Псковское озеро попозже, специально, чтоб успеть полюбоваться закатом, поглядеть, как солнце, уходя за горизонт, раскинет свои прощальные, золотые объятия на воды. И главное запечатлеть этот момент механическим ткацким станком, что не так давно, при помощи знакомых мастеровых с Тулы, сумел модернизировать. А именно оснастить станок чувствительной камерой, которая смогла бы не только снимать окружающее пространство, но и передавать изображение ткацким механизмом на ткань. У него уже собралась не плохая коллекция рушников, полотенец с видами Санкт Петербурга, а сейчас он решил запечатлеть и

обожаемые им Псковские просторы. Приехав сюда погостить к армейскому другу Валентину, Валенку, как его ласково называли друзья.

Установив станок, как ему требовалось, чтоб камера могла видеть не только озёрные воды, но и захватывала бы небо и золотистую, выгоревшую за лето траву, обрамляющую собой зеркальную гладь, Дымка достал ноутбук из рюкзака и гусли. Настроив любимый инструмент, позвонил по видеосвязи знакомому, Тульскому хору девушек, в город, откуда был родом, чтобы записать ролик для своего блога.

- Девчата, приветствую! Мой поклон любимому краю, с приветом от золочённых, Псковских вод!

- Доброго тебе заката Дымка! И мы тебя приветствуем! Ждём в гости, - ответили девушки хором.

- Спасибо девчата. Приеду. Как настроение? Готовы закат со мной проводить?

- Всегда хорошее, когда ты звонишь. И да, готовы мы, Дымка.

- Ну, тогда не будем слов затягивать, солнце, вон, уже к горизонту катится, золотые локоны свои, по добрым водам, распустило, - говорит Дымка, а сам уже по струнам гуслей рукой прохаживается.

Заструилась мелодия по воздуху, заскользила по волнам, солнечные блики колыбелью покачивая. Затянули свою прощальную песню дневному свету Тульские девушки:

Расцветай солнце зримое, несокрушимым золотом

На исходе дня.

Привет передавай, краю далёкому, куда зовёшь меня
За собой маня.

Ты Расскажи ему, как здесь гуляется, как волшебнo тут
Мечты сбываются.

Зеркальных вод, твой лик нежно касается
Весь позолотой, свет отражается.

Тут каркадил плывёт, в волнах играетcя, в злате купается
Его нутро поёт...

- Стоп! Девчата, какой ещё каркадил. Мы-ж не в Африке
на Ниле. Зачем эта выдумка в песне. Пойте, что видите, как
мы договаривались. Не смешно, - начал сердать Дымка.

- Не ругайся Дымка. Так мы и поём, что видим. Вон, сам
посмотри, крокодил плывёт, - ответила одна из девушек.

- Где? Что за шутки, - насупился Дымка, но всё-таки по-
вернулся к озеру, посмотрел, куда указали девушки.

Сначала его глаза, не заметили ничего похожего на обо-
рвавшую песню рептилию, но приглядевшись, он действи-
тельно увидел выступающую над водой, скрытую на первый
взгляд, солнечными бликами, довольно крупную голову кро-
кодила, не спеша проплывающего в неприятной для Дымки
близости, к берегу.

- Ох, ты-ж, вот это драконище, - вскрикнул Дым.

- Осторожней там, Дымка. К воде близко не подходи, - за-
причитали девушки, по другую сторону экрана, где заметно
началась паника, а потом видеосвязь с ними прервалась. Ви-

димом в суматохе, кто-то из них задел камеру или кабель ноутбука.

Дымку и просить не надо было, он сам в ту же секунду, как увидел плывущую громадину, отбежал на безопасное расстояние, откуда смотрел испуганно, но при этом с большим интересом и уважением.

- Парень, ты крокодила случайно не видел? - раздалось за спиной у Дымки, от чего он пригнул голову, как от удара.

- Извини, что напугал. Говорю, крокодила не видел, тут часом не проплывал? - вновь спросил усатый мужик с ружьём, на которого во все глаза уже смотрел Дым.

- Да, вон он, плавает. Это ваш? - с круглыми глазами, теперь задал вопрос Дымка.

- Наш. Вернее наша. Крокодилица это. Сбежала утром из театрального зверинца, целый день ищем. Петрович, - протянул руку мужик.

- Дымов. Но друзья Дымкой называют, - ответил на рукопожатие Дымка.

- Приятно познакомится. Дымка значит. Ладно, погоди, сейчас я, ей укольчик сделаю, и пообщаемся ещё. Есть пара вопросов, - сказал и двинулся к воде, подняв ружьё, прицелившись, выстрелил.

- Всё, можешь не переживать, сейчас мои ребята подойдут и мы нашу Крокоху беглую, домой, в театр заберём. Ты, наверное, струхнул, да, когда её увидал, - тихо засмеялся Петрович.

- Ну, врать не буду, да. Скорее от неожиданности. Тут как-то не ожидаешь, такую зверину встретить. Прямо, уф, - в ответ засмеялся Дымка.

- Слушай, а интересный у тебя аппарат, как я погляжу. Это он музыку сейчас играл. Я пока Кроку нашу искал, слышу мелодия звучит и такая, знаешь, прямо родное что-то, сказочное я бы сказал, народное, - стал делиться впечатлениями Петрович.

- Не. То я играл, на гусях, спасибо, музыка и, правда, чудесная. А аппарат, как ты его назвал, это ткацкий станок. Гляди, какую красоту делает. Вот и вашу крокодилицу выткал. На возьми, это подарок кстати, - протянул Петровичу, тканое полотенце, Дымка.

- Вот, спасибо! - поблагодарил Петрович с улыбкой, рассматривая подаренную вещь. А на ней и закатное солнышко, и трава колосится и по золоченым волнам крокодил плавает.

- Хитрая, какая махинка у тебя. Слушай Дым, а не хочешь ли к нам в театр пойти, музыкантом служить. Нам как раз, такой как ты необходим. Ты так вдохновенно на гусях, лирику выдавал, я чуть про крокодилку нашу не забыл. А кстати, пел тоже ты? - поднял вопросительно бровь Петрович.

- Ага, в пятьдесят голосов, да девичьих. Не. Это по видеосвязи, с Тулы девчата знакомые пели, землячки мои, вместе учились. Хорошие девчонки, добрые и голоса у них серебряным ручейком, так люблю их слушать. Вот подпевают мне иногда. Да и я сразу тосковать по Туле перестаю. Будто на

родной земле побывал, - зарделся Дымка, на миг, переместившись мыслью в любимую Тулу.

- Хорошо тебе Дым, я смотрю. Девушки вон, как опекают, любят, аж с родной земли хором поют. Уважаю. Ну, так, что скажешь, Дымка? Пойдешь к нам в театр гусярлом?

- Дай подумаю. Слушай, а чего не пойти, пойду, да вместе с хором бы, - кивнул Дымка, - А что за театр, какой жанр, репертуар?

- Хороший театр. Передвижной. У нас и шатёр есть, по всей земле колесим. Репертуар у нас разный, каждый сезон стараемся обновлять, но и классику уважаем, всегда в программе присутствует. А жанр, пародийное выступление двойников, знаменитостей культуры и исторических личностей, под музыкальное сопровождение в различной стилистике. Да что я рассказываю, приходи, сам всё увидишь, - пригласил Петрович.

- Спасибо за приглашение! А куда приходиться? Тут в Пскове? Я на самом деле в основном в Санкт Петербурге живу, а здесь так, в гостях, - поделился Дымка.

- Так и мы здесь на гастролях, а так в основном в Питере базируемся. Там и приходи, на входе скажешь к Петровичу. На вот визитку, как вернёшься на берега Невы, позвони, - улыбнулся Петрович.

- Хорошо, тогда договорились, - улыбнулся в ответ Дымка.

- Ладно, буду ребятам звонить, чтоб Кроку нашу помогли забрать. Приятно было познакомиться Дымка, жду в гости в

Санкт-Петербурге, - подмигнул Петрович Дымке и пошёл к воде, по пути набирая номер в телефоне.

- Алё! Давайте ко мне ребят. Крокодилица тут рядом, я её уколом усыпил. Чего? как поймали? Когда? Тут она, вон я её в зарослях вижу, - удивлённо расширил глаза Петрович. А следом за ним и Дымка.

В ответ на вопрос Петровича из ближайших зарослей донеслось шипение, а следом в сторону большой глубины устремился больших размеров крокодил.

- Ни хай, себе громадина. Это-ж, Дым ты погляди, какой динозаврище. Точно не наша Крока. Ребят, вы слышите, тут в озере ещё один крокодил, да здоровый такой. Чего он тут делает. Не уж-то Псковский каркадил, не байка совсем, - затараторил Петрович.

Дымка принялся складывать свои вещи, попутно думая, вернулся ли домой Валенок с осмотра сетей, на которые, ушёл ещё в обед, - Надеюсь, с каркадилом не встретился. Переживаю, - думал Дымка. Собрав всё своё в рюкзак, Дымка припустил за Петровичем, решив, что так всё таки побезопасней, да и вдвоём веселее идти, особенно после встречи с рептилией.

А крокодил, отплыв на приличное расстояние, выглянул из вод, провожая взглядом уходивших людей, выпустил из пасти пузырьки воздуха. Моргнул, мигнул не добро, поплыл в сторону ближайших зарослей прибрежной травы. Там с трудом попытался выбраться на берег. Силы его отпускали,

сон от укола, валил его в сладкую дрему. Крокодил выполз только на половину из воды, как сразу уснул.

- Барин? Слышите барин? - раздалось из кустов рядом, - Эй! Да что это, ни как сердечный удар свалил. Васька, тащи одежду и ребят позови. Барину видно плохо стало. Лежит как обмерлый. Что-ж вы себя так не жалеете Барин. Говорил же не надо сегодня плавать. Здоровье побережь. Не послушались, а теперь вот это, - запричитал мужчина, средних лет. По виду, как из прошлого, деревенский мужичок.

Мужичок, причитая и охая, спустился к воде, где принял-ся суетиться вокруг здоровенного, абсолютно нагого мужчины, на половину лежащего в воде ногами, раскинувшего руки в стороны и лицом вниз. Мерцающего. Кожа его, то покрывалась бронёй крокодила, то становилась человеческой.

- Чой-то с ним творится? Васька, ты где? Давай поторопись. С барином беда какая-то происходит.

Глава 6 Приморский чёрт. Ракушка Валенка

- Эу! Валя! Ва-ле-нооок! - закричал громко Стэп.

- Неподшитый, старинок, - прокричал кто-то из соседних домов.

- Да идите вы! Шутники. Я друга зову, не мешайте, - обиделся Стэп.

Вот уже, как полчаса, он с друзьями, Кэшем и Дымкой, бродил по Пионерской, в поисках дома их друга Валенка. Адрес-то он записал, но пока они ехали в метро, бумажку с записанным адресом потерял. Дом то он помнил, но плохо, плюс время позднее и все здания для него сливались в единую серую крепость.

- Надо было на руке записать. Эх! - сокрушался Стэп.

Сегодня была годовщина с пропажи их товарища по учёбе в Карабелке Вани Панкидава. Панкидав однажды поехал автостопом до Челябинска, в гости к своим идейным по музыке друзьям и где-то по дороге сгинул, так и не добравшись ни туда, не вернувшись обратно домой. С того времени Стэп, стал собирать в компанию своих одноклассников и по совместительству сослуживцев знавших пропавшего, петь под гусли, в честь брата Панкидава, его любимые песни. Сегодня как раз должен был с Пскова приехать, один из друзей, Ва-

ленок, который время от времени обитал в Санкт Петербурге, в оставленной ему в наследство квартире. Тут, рядом со станцией метро Пионерская.

- Да, точно он где-то в этих домах живёт. Ребят, серьёзно. Я хоть и всего раз тут у него бывал. Но точно помню, - кивал головой Стэп.

Вся троица изрядно на угощалась домашнего сидра в гостях у Михалыча, родного дяди пропавшего, пока поминали Панкидава, да ждали звонка от Валенка. Чтоб узнать, во сколько он приезжает в Санкт-Петербург и где его найти, если он уже в городе. Телефон его был отключен. Наконец Валенок перезвонил и сказал, что он уже, как три часа приехал. Да телефон разрядился, пока зарядное устройство искал, пока поставил на зарядку, устал и уснул. Сказал, что ждёт их в гости. Записав адрес, ребята решили доехать на метро. А там где-то потеряли бумажку с адресом. И как назло у всех троих разрядились телефоны.

- Да ёк-якарёк! Что делать, а? Валяааа, Ва-ле-нооок, - закричал снова Стэп.

- Что? - вдруг раздалось из серой многоэтажки-корабля. В одном из окон крошечным фонариком замаячил огонёк света.

- Валь, это ты? - обрадовался Стэп. Тормоша уже уснувших стоя друзей.

- Ну, я, - отвечает голос, добавляя, - Ты не ори, заходи, тут поболтаем.

- Хорошо, а куда идти? - радостным голосом спрашивает Стэп.

- А, дом обойди и в крайнюю парадную войди, - отвечает голос.

- Хорошо! Сейчас будем, - кивнул куда-то в темноту Стэп.

Поддерживая друзей за плечи, Стэп направился туда, куда ему указал голос. Подойдя к нужной парадке, выпустил из рук товарищей. Первым вошёл в парадную, следом за ним вошёл Кэш. А Дымка поскользнувшись, закачался и вместо того чтобы пойти за друзьями, чуть не падая потопал спиной назад, а там по лестнице вниз, где всё таки не удержался и перекувыркнувшись, встал подогнув колени, у двери в подвал.

- Оп! Чуть не упал, - вымолвил Дымка.

Дверь подвала со скрипом отворилась. Чьи-то руки, схватив Дымку за грудки, втянули его в чернильную тьму.

Зайдя в парадную Стэп вспомнил, что не спросил на какой этаж подниматься.

- На третий заходи, - раздалось сверху.

- Ща будем, - кивнул Стэп, нажал на вызов лифта. Поднявшись на нужный этаж, Стэп вышел. А Кэш, казалось на секунду прислонившийся к стенке лифта, задремал и вместо того, что бы выйти за Стэпом умчался наверх, случайно нажав на кнопку последнего этажа.

Там очнувшись от дремы, вышел, как ему показалось, за друзьями. На этаже было темно. Лампочки не горели. В кон-

це коридора, поскрипывала дверь, время от времени чуть-чуть приоткрываясь. В приоткрытую щель пробивался тусклый свет ночника.

- О! Ребят, братаны я иду, - обрадовался Кэш, увидев пробивающийся свет.

Войдя в квартиру, удивился тишине, царившей там.

- Ау, ребят? - шёпотом позвал друзей Кэш, в ответ тишина.

- Уснули что ли, ладно не буду будить, пусть спят, - сам себе сказал Кэш и подошёл к холодильнику, стоящему в коридоре. Открыл его, глаза слипались, от усталости и яркого света бывшего из гостеприимного нутра холодильника. Не открывая глаз, Кэш стал брать все, что попадалось под руку и с аппетитом есть. Запивая сидром из кувшинчика, что принёс с собой.

Из комнаты слышалось ворчание и переругивание шёпотом.

- Митя. Ты что ли, замок на входной двери, так и не починил. Уже неделю как квартиру сняли. Имей совесть. Вот, откуда, сейчас сквозняк? Я вся в мурашках. Бррр. Слышишь Мить? Пойди запри. Мне холодно. Да тихо, не греми, мелкого разбудишь, потом опять всю ночь укачивать.

- Сама иди. Я сплю.

- Митя! Мне утром в поликлинику идти. Я выспаться хочу. Сходи дверь закрой, говорю.

- Достала ты меня. Ладно, схожу, только отстань.

Митя пошёл в коридор, не открывая глаз, по пути свернул к холодильнику, постоял там, с каким-то парнем, поел вместе с ним котлет, заел их овощным салатом, глотнул предложенного сидра, благодарно пожал парню руку, похлопал по плечу, после чего хлопнув дверью холодильника, отправился в туалет.

Кэш утолив голод, пошёл в тёмноту комнаты, где на ощупь нашёл кровать. Блаженно лёг на неё. Допил последний глоток сидра из кувшинчика. Поставил рядом на полу. Улыбнулся тому, что можно спокойно в тишине полежать, а рядом спят его друзья Стэп, Дым и Валенок. Как в старые добрые времена, на службе в Мурманске...

Рядом с кроватью заплакал ребёнок.

- Митя! Просила же потише. Ты сидра, что ли выпил? Где только достал? Фу! Не дыши на меня. Разбудил малого, сам его и укачивай теперь, - Кэш услышал рядом с собой, голос какой-то незнакомой женщины.

- Я не Митя, - ответил Кэш.

- Мить, то есть Дим, давай не сейчас. Я спать хочу. Качай сына.

Кэшу было лень объяснять кто он, и не вступая в полемику с женщиной, которая почему-то оказалась с ним на одной кровати, да ещё и ноги ему на плечи положила, когда он покорно присел на постель и нащупав перекладину кровати-качалки, принялся укачивать ребёнка. Думая о том, что, как же быстро Валенок обзавёлся детьми и может скоро у

него самого появится наследник. Ну и наглая же у Валенка жена, думал Кэш, чуть сгорбившись под тяжестью её ног.

Ребёнок замолчал, засопел во сне. Женщина рядом заворочалась. Скинув с плеч Кэша ноги, обняла его сзади, поцеловала в шею, потом встала с кровати и ушла в коридор. Откуда потом послышалось:

- Мить, ты бы мне хоть одну котлетку оставил. Всё умял. Да, ну тебя! - затем послышался звук воды из включённого крана на кухне.

Кэш так и не понял, кто эта женщина, почему она его Митей называет, вдруг услышал с улицы, голос Дымки, который звал его, Стэпа и Валенка.

- Мы здесь, - хотел было крикнуть Кэш, но вспомнив про ребёнка, решил его не будить, а выйти на улицу к Дымке.

В коридоре, снова столкнулся с мужиком, с которым трапезничал в коридоре, пожал ему руку, обнял, после чего вышел из квартиры.

- Мить ты куда? - услышал в след Кэш, но отвечать не стал, войдя в лифт.

- Да здесь я. На кровати. Сплю, - ответил Митя.

- Мить, из нашей квартиры только что вышел, какой-то парень. Мить проснись. Слышишь, что я тебе говорю? - тревожным голосом зашептала его жена.

- Ай! Угомонись. Хороший парень, вот такой, - показал Митя кулак с поднятым вверх пальцем, - Мы с ним сейчас котлет поели, он меня сидром угостил, руку пожал. По-

дожди, какой ещё парень? - моментально проснулся Митя. Включил торшер рядом с кроватью, у которой было натоптано и стоял пустой кувшинчик из под сидра.

- Вот. А я чего говорю. Когда ещё просила, замок дверной починить. Кошмар! Заходи, кто хочешь, ешь что захочешь. Как теперь уснуть? Вставай, чини. Пока ещё кто-нибудь не зашёл.

- Ладно, не начинай, - пробурчал Митя, вставая с кровати, доставая из под неё набор с инструментами.

Стэп уже, как несколько минут был в квартире, как ему сперва показалось у Валенка. Но самого Валенка видно не было, да и Дымка с Кэшем куда-то пропали.

- Эй, дядь, ну ты надымил сигарами, туманище, хоть саблей руби. И напомни, кто ты такой и где Валька-Валенок? - спросил Стэп, жмурясь от туманного дыма, заполняющего всю квартиру. В дымном молоке пелены, под кровать, как показалось Стэпу, заполз огромный краб, на кресле шевелил щупальцами чёрный осьминог, за водорослью штор, притаилась змейкой мурена, а у люстры на потолке кружили невесомой паутинкой медузы. От разглядывания причудливых дымовых миражей, Стэпа отвлёк ответ хозяина квартиры:

- Это не от сигар, а арома-терапия. Сухая, жжёная водоросль. Люблю её аромат. Жаркий полдень, середины лета на побережье, сразу вспоминаю. Валька твой, тёзка мой, у себя дома сейчас, вас ждёт. А я чёрт. Морской, вернее теперь Приморский, - ответил мужик, выходя из кухни, в ру-

ках два гранённых стакана в серебряных подстаканниках и заросший кораллом бочонок.

- Серьёзно, чёрт? Ну, ты даёшь, - хохотнул Стép.

- Он самый, не смейся. На пенсии сейчас. Вот живу тут. Раньше на Приморской жил, поближе к воде. Но старый стал, мёрзлявый. А там, на Приморке ветрено, холодно. Вот перебрался на Пионерку поэтому. Тут потеплей, да и горячую воду на лето не отключают. Хорошо! Кстати, вот планктончику не желаешь, - довольно крикнул чёрт, поправляя одной рукой на голове антенку-удилище со светящейся морской звездой на конце, а другой, указывая на бочонок в котором Стép разглядел мелких рачков и пару довольно крупных креветок.

- Понятно. Приятно познакомится дядь! От планктона воздержусь, у меня вот с собой добрый сидр, - кивнул на пакет с кувшинчиками сидра Стép, - А я вот тоже из морских. В Карабелке учился, потом служил в Мурманске на корабле, а сейчас вахтой работаю на дальнем востоке. Танкеры мою. Тут в Санкт-Петербурге на каникулах пока. Друзей повидать и невесту отыскать.

- Ох, ты! Молодец морячок. Добрый ты малый, как я погляжу. А скажи чего невесту отыскать, а не найти пытаешься? Потерялась что ли?

- Да, мы с ней незнакомы даже. Я её в теории знаю, по фотографии. Знаешь, с ней такая загадка интересная. Она на свадебных фото моих многих друзей есть, а её саму ни кто и не знает. На общих планах всегда, а кто она, мои друзья

сказать не могут. Вот хочу отыскать её, запала она мне в самое сердце. Понимаешь?

- Понимаю. Чего не понять-то? А ты знаешь, морячок. Давай так, ты мне сказку или историю какую-нибудь занимательную расскажешь, а я тебе с поиском помогу. Как тебе предложение? - подмигнул Степу приморский чёрт.

- Точно поможешь? Ну, давай, - согласился Стэп.

- Тогда рассказывай. Да на морскую тематику. Валенок, друг твой, ещё минут двадцать и на поиски ваши выйдет. Потом плюс-минус минут пять и рядом с моим домом пройдёт. Так что поторопись морячок.

- Так! С чего бы начать? Слушай дядь, а слышал ли ты легенду про пирата Жанатана Глю Де Лангрю Пимпирейра, что с Парижа до Колымы, как-то плавал? Нет? Ну, тогда послушай. Мне эту историю отец рассказывал. Кстати он, вместе, с мамой моей, несколько лет назад пропали, там, на дальнем востоке. Исчезли где-то в тайге. Может, и их поможешь найти? - пригорюнился Стэп.

- Дай подумать. Ну, хорошо помогу, но у меня тогда к тебе просьба будет. Сделаешь, как я прошу, и родителей и невесту свою отыщешь. Как тебе такое предложение? - прищурился приморский чёрт.

- А, что сделать надо будет? - поинтересовался Стэп.

- Сначала про пирата расскажи, потом и поговорим, о моей просьбе.

- Хорошо! Слушай, - кивнул Стэп и принялся рассказы-

вать про Жанатана, его судно Плающее Сердце и Лунолицую Деву.

- Хех, - усмехнулся приморский чёрт, выслушав историю-легенду Стэпа. - Занятно, рассказываешь. Мне понравилось, почти, как и было на самом деле. Теперь меня послушай. Невесту свою, в конце ноября встретишь, снега много выпадет. На дороге в сторону Петрозаводска, у поля, в полночь. На вот звезду мою возьми, - приморский чёрт снял с головы, с антенки-удилища огонёк и вложил в руку Степа. - Как на дороге окажешься огонёк, достань да в руке носи, как фонарик. Невеста твоя сама тебя увидит и в объятия прыгнет. У неё свой огонь в руке будет. Да что там, и без него её увидишь, узнаешь.

- А, что она на дороге делать будет, да ещё и в полночь? - спросил Стép, вертя в руках звезду-огонёк.

- А, с подругами ворожить и встречи с тобой ждать. Она ведь тебя, морячок, тоже ищет. Да какой год подряд ждёт. Но встретитесь вы только сейчас, в конце ноября. Так у вас по судьбе написано. Ладно, морячок, запомнишь? В конце ноября, числа двадцать четвертого, в ночь после полуночи, на дороге у поля. Да друзей с собой возьми. Этих, что с тобой сегодня сослуживца Панкидава поминают. Они тебе пригодятся в пути. Вот увидишь! Кстати Панкидав ваш, жив-здоров, на его именинах гулять будете. А про родителей так скажу. Как только с невестой встретитесь, так сразу к родителям на поклон отправитесь. Куда, сам поймёшь, увидишь. Знай,

морячок в этом году твои поиски родителей и невесты закончатся. Начнётся новая жизнь, полная приключений и любви. Вот тебе моё слово морячок, да звезда-огонь в придачу.

- Твои-б слова, да чтобы, правда. Что же я взамен для тебя совершить должен?

- А, попрошу я тебя морячок, чтобы ты мою звезду-огонь тому пирату передал, про которого рассказывал, Жанатану. Старые приятели мы с ним. Очень старые. Не зря ты ко мне зашёл морячок. Ох, не зря. Вот увидишь его, передай звезду. Он поймёт от кого. И давай морячок. Поторопись, там, у парадной, твои друзья тебя ожидают и вот-вот Валенок-Валентин подойдёт. Спасибо, что заглянул ко мне, сказкой порадовал. Спасибо, что просьбу исполнишь. И счастья, удачи вам с невестой пожелаю, а любви у вас и так с полна будет.

- И тебе спасибо дядя, на добром слове. Только как же я пирата отыщу. Он же легенда. Да и жив ли он. Не один век прошёл... - начал было Стэп.

- А, ты не сомневайся морячок. Сделай, как тебя прошу. Слово дай и я поверю. Я же тебе своё дал, да звезду не пожалел. Только передай её Жанатану, как прошу.

- Хорошо дядя. Даю своё слово, - только успел промолвить Стэп, как оказался внизу у парадной. А там уже и Кэш с Дымкой стоят.

- О, Стэп, а мы тебя ищем. Ты куда пропал? - обрадовались друзья.

- Вот он я. Чего искать, - улыбнулся Кэш, убирая звезду

во внутренний карман куртки. - А вон и Валенок идёт. Валя, брат. А мы к тебе.

- Приветствую вас, други мои. Думал уже не придёте. Да во время сообразил, позвонить, а у вас телефоны отключены. Решил дворами пройтись, поискать, а вы и тут, как тут. Пойдёмте скорей, ко мне. Там и стол накрыт и на ночь постелено. Вы-же у меня сегодня останетесь? - радовался друзьям Валентин.

- У тебя, друг! А ты один или с девушкой своей? Она против не будет? - поинтересовался Дымка.

- С ней. Не будет. Она у меня золото, - подмигнул Валентин.

- Как зовут? Как нам её величать? Она с Пскова да? - завалил Валентина вопросами Стэп.

- Калинкой зовут. Не с Пскова она, но с той местности, - загадочно ответил Валентин и пригладил бородку.

Ещё с пару недель назад, как только Дымка уехал в Санкт Петербург, Валентин сразу на следующий день вернулся к Псковскому озеру. Где сразу поспешил к месту, на котором покоилась жемчужная, как он думал, ракушка. Как он не искал её, устрица-гигант исчезла. Все прибрежные воды обплавал, обыскал, нет её и всё тут.

В расстроенных чувствах Валентин воротился домой. Там лёг на постель, отвернулся к стенке и потонул в горьких раздумьях. На зов девушки не отвечал, отказался, есть и чай пить. Так пролежал три дня. А на четвёртый, когда печаль

его маленько отпустила, вышел во двор, на солнышке погреться и обомлел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.